

**ТРАДИЦИЯ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В РАЗВИТИИ СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ:
ПРОБЛЕМА ДИНАМИКИ НОРМЫ**

Москва, 1994

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Международный фонд югославянских
исследований и сотрудничества "Славянская летопись"

**ТРАДИЦИЯ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В РАЗВИТИИ СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ:
ПРОБЛЕМА ДИНАМИКИ НОРМЫ**

*Тезисы докладов
международной научной конференции
Москва, 24-26 мая 1994 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор филологических наук
Е.И. Демина (ответственный редактор)
доктор филологических наук
Л.Н. Смирнов
кандидат филологических наук
В.С. Ефимова

ISBN 5-900698-11-4

Институт славяноведения
и балканистики РАН,
1994

ПРОБЛЕМА ДИНАМИКИ ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Е.И. Демина

Институт славяноведения и балканистики РАН

1. Динамика нормы - одна из важнейших характеристик онтологии литературного языка как историко-культурного феномена. В известном смысле можно сказать, что история того или иного литературного языка как реально функционирующей коммуникативной единицы является историей становления и динамических преобразований присущей ей нормы. Если, однако, учесть факт возможного существования в истории данного народа ряда языковых идиомов, на том или ином историческом этапе выполнявших функции литературного языка, которые могли сосуществовать и сменять друг друга, находиться в отношениях дополнительного распределения или конкуренции между собой (а тем самым необходимость подхода к самому феномену "литературный язык" на более высоком уровне абстракции - как к особому динамическому объекту, как к некоему "целому", понимая исторические преобразования в процессе конкретной манифестации этого "целого" как его состояния и определяя литературный язык как совокупность этих состояний), то представляется, что и о феномене динамики нормы имеет смысл говорить исходя из этого более высокого уровня абстракции. В этом случае понятие "динамика нормы" охватит собой не только эволюционные преобразования нормы в рамках конкретного литературно-языкового идиома, но и соотношение норм отдельных литературно-языковых идиомов как реальных коммуникативных единиц, возникавших в результате коренных сдвигов в истории литературного языка данного народа, процесс их конкуренции и взаимовлияния, а на этапе становления современных литературных языков, существенным признаком которых является единство нормы - процесс и результаты нормализаторских усилий устроителей литературного языка, способствовавших закреплению тех или иных спонтанно возникавших в литературно-языковой

практике узуальных решений и осознанию их как соответствующих норме.

2. Проблема динамики литературно-языковой нормы чаще в имплицитном чем в эксплицитном виде и так или иначе присутствует в работах ученых-историков литературного языка, исследующих те или иные сдвиги в норме конкретных литературно-языковых идиомов и текстов, их репрезентирующих. Изучаются те или иные конкретные изменения письменной и устной литературно-языковой практики, нашедшие свое отражение в сдвигах нормы. Прослеживаются явления "книжной справки", характерные для того или иного центра средневековой письменности. Описываются взгляды представителей разных школ, предпринимавших те или иные нормализаторские усилия, специально - на этапе становления единых норм литературного языка данного народа, особенно при переходе к его современному состоянию.

Вместе с тем, теоретическая разработка проблемы динамики нормы как сложнейшего социолингвистического феномена, специальное внимание к которому, пожалуй впервые, было привлечено в известных работах Пражского лингвистического кружка, по-прежнему остается недостаточной. Так, в теоретическом разделе книги "Диахроническая социолингвистика" (М., 1993), посвященном установлению понятийного аппарата данного предмета исследования, понятие "динамика нормы" не упоминается.

В большей степени в теоретическом аспекте разрабатывалась проблема *внутренней* динамики нормы, возможность появления в литературном языке исторически обусловленных вариантов, связанных с развитием языковой системы, а также вариантов территориальных, региональных, социальных (А.Едличка).

3. Именно данному "узкому" аспекту проблемы динамики нормы, когда речь идет о тех или иных социально одобренных сдвигах в орфографической (для письменных текстов), фонетической и грамматической системе литературного языка и лежащем в их основе словарном составе данного конкретного литературно-языкового идиома

как одной из форм манифестации историко-культурного феномена "литературный язык", посвящено основное число исследований, разрабатывающих данную проблему применительно к разным историческим периодам функционирования литературного языка данного народа от самых ранних этапов его существования и вплоть до наших дней. Подобная постановка проблемы, по-видимому, предполагает следующий ход исследовательской мысли: существует некий литературно-языковой идиом как реальная коммуникативная единица, обладающая своими системой и нормой; в процессе исторического развития данного языка и изменений в узусе, связанных с влиянием факторов внешнего, в том числе экстралингвистического характера (усиление роли различных центров письменности, факторов территориального или социального характера, влияние других языковых идиомов, в том числе, неродственных), в текстах, репрезентирующих данный идиом, появляются те или иные сдвиги (варианты); возникает и так или иначе решается проблема включения этих вариантов в норму или отказа от подобного решения, т.е. проблема нормализации и/или кодификации (на ранних этапах - проблема так называемой "книжной справки"). Иными словами, в исследовательском плане речь идет о выявлении сдвигов в *традиционной норме* конкретного литературно-языкового идиома под влиянием тех или иных лингвистических и экстралингвистических факторов и тенденций развития, которые рассматриваются и оцениваются исследователями как определенный отход от традиций в силу новых тенденций развития.

4. Иными словами, о "внутренней" динамике нормы (= динамике нормы в "узком" смысле слова), по-видимому, есть основания говорить, имея в виду конкретные литературно-языковые идиомы, отношения между элементами системы которых вошли в состояние устойчивого равновесия, образуют единое целое в функциональном и стилистическом отношении, приняты как "правильные" языковым коллективом, что, собственно говоря, и является критерием выделения данного идиома в кругу других идиомов данного языка как

диасистемы и определения его границ. Такими идиомами в истории литературного языка, например, в Болгарии являются традиционный болгарский литературный язык как прямой континуант древнеболгарского литературного языка, опирающегося на язык кирилло-мефодиевских переводов, и современный болгарский литературный язык - новоболгарский по своей грамматической структуре (аналитического строя в отличие от синтетического строя традиционного литературного языка) и национальный по своим функциям. Сюда же в известной мере может быть отнесен книжный болгарский язык ХУП в. на народной основе, сложившийся в письменности новоболгарских дамаскинов и отраженный в относительно "чистом" виде в таких репрезентантах этого языка как Тихонравовский, Протопопинский, отчасти Люблянский дамаскины ХУП в.

Очевидно, что в силу относительной устойчивости сложившейся системы идиомов подобного типа динамика их нормы может проявляться главным образом либо в уплотнении существующей модели вновь возникшими выразительными средствами, главным образом лексическими, либо в тех сдвигах, которые обусловлены внутренним историческим развитием самой системы данного литературного идиома. Территориальные, региональные, социальные варианты могут войти в норму данного литературно-языкового идиома - и тем самым свидетельствовать о ее "внутренней" динамике - лишь в том случае, когда это существенным образом не сказывается на характере системных отношений в субстанции и структуре данного идиома. В противном случае речь может идти уже о разрушении системы данного идиома и о возникновении нового со своими системой и нормой.

5. Феномен "внутренней динамики нормы" неодинаково проявляет, манифестирует себя в рамках разных исторических типов литературного языка. Так, например, для книжно-письменного по характеру своего функционирования традиционного литературного языка болгарского Средневековья, использовавшегося в письменности конфессионального

содержания, наряду с отдельными попытками "догнать" происшедшие в живом разговорном языке изменения характерной была направленность нормализаторских усилий на возврат к "священным" нормам более древнего периода (ср., например, известную реформу Евфимия Тырновского или второе южнославянское влияние на Руси, как и другие примеры "книжной справки"). Подобная направленность динамики нормы нехарактерна для современных национальных литературных языков как особого исторического типа литературного языка, однако имела место в процессе формирования некоторых из них (ср., например, современный чешский литературный язык, опиравшийся в процессе своего формирования на язык Кралицкой библии 1545-1599 - т.е. на образцовую форму чешского литературного языка "золотого периода" XVI в.). В свою очередь, для такого исторического типа литературного языка как книжный язык на народной основе, распространенного в славянском мире в XVI-XVII вв., динамика нормы представлявших его книжно-литературных идиомов сводилась фактически к стихийным процессам децентрализации, утраты вновь и вновь возникавшими литературно-языковыми идиомами первоначально сложившейся нормативной системы, что исторически могло объясняться отсутствием единого центра культуры и письменности в условиях отсутствия государственности, большой раздробленностью диалектного континуума. При этом вновь возникавшие нормы имели узкую сферу применения, нередко замыкались в рамках деятельности отдельного книжника.

6. Как уже отмечалось, о "*внешней*", "*надлитературно-идиомной*" динамике нормы, на наш взгляд, есть основание говорить лишь перейдя на более высокий уровень абстракции, исходя из возможной множественности форм манифестации явления литературного языка данного народа. Фактически при таком "широком" подходе речь идет уже не о динамике нормы конкретных литературно-языковых идиомов, а о динамике нормативного процесса, в ходе которого идет смена литературно-языковых идиомов, каждый из которых обладает своей нормой (учитывая возможность сосуществования и

дополнительного распределения этих идиомов и конкуренции их норм).

Выдвигая в данном докладе возможность подобного подхода к проблеме динамики литературно-языковой нормы, хотелось бы обратить внимание на те узловые моменты истории литературного языка, решению которых он может способствовать.

а) Внешняя динамика нормы - один из важнейших критериев периодизации истории литературного языка.

б) Динамика нормативного процесса - один из важных параметров типологии литературных языков в их историческом развитии.

в) Данные внешней динамики нормы особенно важны при изучении исторических процессов постепенного становления нормы и опытов нормализации на переходном этапе от одного исторического типа литературного языка к другому, прежде всего к современным национальным литературным языкам, когда на первый план выходит исследование взаимосвязи и взаимовлияний различных идиомов в процессе закрепления тех или иных решений в узусе и норме и обратной связи между возникающими в этом процессе нормативными решениями и литературно-языковой практикой.

7. Динамика литературно-языковой нормы находится в прямой зависимости и обратной связи с историко-культурной и языковой ситуацией. Сдвиги в последних влияют на динамику нормы. В свою очередь, динамика нормы сказывается на изменениях в историко-культурной и языковой ситуациях. Так, например, появление в некоторых славянских странах, в частности в Болгарии, в XVI-XVII вв. новых книжно-литературных идиомов, резко порывавших с традицией при одновременном "отталкивании" от нее, было связано с историческими переменами в общественной и культурной жизни, со сдвигами в языковой ситуации (тенденция к демократизации культуры и письменности). В свою очередь, обусловленное этим появление нового исторического типа литературного языка - книжного языка на народной основе, существенно сказалось на изменении историко-культурной и

социально-языковой ситуации: "простой" болгарский язык аналитического грамматического строя стал употребляться в сфере достаточно высокой культуры, сосуществуя с традиционным и церковнославянско-русским языками синтетического строя и противостоя вместе с ними неродным языкам (турецкому в административной сфере, греческому - в церковной), расширился социальный состав тех, кому адресована письменность.

8. Динамика нормы - как "внутренней", так и "внешней" - непосредственно связана с социокультурными намерениями конкретных носителей литературно-языковых идиомов, их местом в историко-культурной и общественной ситуации. Именно *оценка* наиболее престижной частью носителей литературного языка тех или иных сдвигов в литературной языковой практике (письменном и устном узусе), отнесение этих сдвигов к числу "правильного" или "неправильного" и, затем, *восприятие этой оценки* как "руководства" к дальнейшему литературно-языковому поведению определяет "внутреннюю" динамику нормы.

Аналогичные факторы действуют в процессе "внешней" динамики нормы, в частности при создании новой нормы, причем в последнем случае существенно возрастает значение того, будут ли предложенные решения восприняты достаточно авторитетным социумом, способным закрепить их в широком употреблении на значительный срок, передать будущим поколениям.

В более широком смысле это же можно сказать, имея в виду формирование стилистических норм, а также особенностей употребления литературного языка теми или иными его носителями в процессе расширения общественной сферы функционирования данного литературно-языкового идиома.

ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИИ В УЗУСЕ ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

В.М. Живов

Институт русского языка РАН

1. История литературных языков основное внимание сосредоточивает на соотношении литературного и разговорного языка, в динамике литературных языков предметом преимущественного интереса оказывается влияние разговорного языка на литературные нормы, а анализ древних письменных памятников нередко сводится к выявлению отклонений, обусловленных диалектом писца. Как бы ни были важны эти моменты, они имеют лишь опосредствованное отношение к реальному функционированию литературных языков. Основными навыками литературного языка носитель овладевает в процессе обучения письму и в процессе чтения (или заучивания) существующих письменных текстов. Поэтому и характеристики письменного языка определяются не столько тем, как пишущий говорит, сколько тем, как он читает, т.е. тем, какие письменные тексты он освоил и каковы были механизмы этого освоения.

2. В этой перспективе история книжного языка должна в первую очередь изучать характер языковой преемственности, ее механизмов и вариантов реализации, осуществляющихся в сфере письменных текстов. Исследования последних десятилетий, посвященные современному русскому разговорному языку, показали, насколько существенно отличаются (особенно в области синтаксиса) структурные характеристики разговорного узуса от характеристик той нормированной (в своей основе письменной) речи, которая служит базой для нормативных описаний. Несоотнесенность устного и письменного узуса требует не только автономного изучения и описания разговорной речи, но и такого же описания механизмов владения языковым стандартом, поскольку из естественной языковой компетенции, реализующейся в разговорной речи, они не выводятся. Формирование этих механизмов осуществляется в процессе школьного обучения и чтения,

однако, как именно в лингвистическом отношении это происходит, остается практически неизвестным.

3. В древней Руси (как и у других православных славян) овладение книжным языком осуществлялось в процессе обучения чтению по складам и последующего заучивания наизусть Часослова и Псалтыри. При активном употреблении книжного языка полученные таким образом знания трансформировались в *механизм ориентации на образцы*, который реализовался в воспроизведении (буквальном или видоизмененном) отдельных пассажей, словосочетаний и форм выученных текстов. Большой корпус хранящихся в памяти текстов обуславливал не только их постоянное цитирование, но и активное употребление содержащихся в них конструкций и форм, не свойственных живому языку носителя.

4. Употребление специфически книжных конструкций и форм (например, инфинитивных оборотов, простых претеритов, согласованных кратких причастий) могло в разной степени приближаться к тому стандарту, который задавали образцовые тексты. Отклонения от образцового употребления определялись прежде всего *механизмом семантической реинтерпретации*. Воспроизводя конструкции и формы образцовых текстов, пишущий интерпретировал их с помощью тех семантических категорий, которые входили в его естественную языковую компетенцию, связанную с живым языком, и в ряде случаев не совпадали с категориями, которые запечатлелись в образцовых текстах, созданных предшествующими поколениями книжников. Так, в некоторых летописях ХУП в. в частях, повторяющих древнейшие летописные своды, почти не встречается плюсквамперфект, поскольку, видимо, автор ХУП в. не связывал с этой формой особой семантики и интерпретировал ее как бессмысленное сочетание двух глагольных форм, одна из которых подлежала устранению. Более сложное действие механизма семантической реинтерпретации обнаруживается в восприятии простых претеритов через призму видовых категорий и соответствующего их употребления в текстах ХУI-ХУП вв. Именно этим

опосредствованным путем живой язык стимулировал инновации в языке письменном.

5. Зависимость письменных навыков носителя от корпуса прочитанных им текстов обуславливает специфику эволюции письменного языка сравнительно с разговорным. Исходным состоянием для пишущего служит не речь предшествующего поколения, а вся совокупность входящих в круг его чтения текстов, сложившаяся за много столетий. Динамичность книжного языка оказывается при этом в прямой зависимости от динамичности литературного процесса. Разный круг чтения отдельных групп носителей языка, пишущих с оглядкой на разные корпуса освоенных ими текстов, приводит к одновременному существованию разных *письменных традиций*. Преемственность в узусе письменного языка выражается не только в воспроизведении специфически книжных элементов, но и в параметрах вариативности отдельных форм, поддающихся статистическому анализу. Различие в статистических параметрах различных текстов одной эпохи может указывать на то, что они принадлежат разным письменным традициям. Так, например, статистический анализ употребления флексий косвенных падежей мн. числа существительных в русских текстах ХУП в. показывает, что по ряду параметров последовательно различаются стандартные церковнославянские тексты, тексты гибридные (летописи и повести) и тексты деловые. Последовательность этих различий объясняется преемственностью письменного узуса внутри письменной традиции, а сами различия - относительной автономией письменных традиций.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК - ДИНАМИЧЕСКИЙ РЕГУЛЯТИВ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В.К.Журавлев

Институт языкознания РАН

1. В отношении сохранения литературно-языковых традиций современный русский литературный язык уникален. Это - восточнославянские, украинско-белорусские и собственно русские узоры на полотне, вытканном Кириллом и Мефодием, результат непосредственного, без перерыва книжно-литературных традиций, развития церковнославянской письменности. Формирование других славянских литературных языков осуществлялось в результате перерыва славянской книжно-литературной традиции. Попытки формирования нового славянского литературного языка с использованием своих средневековых традиций с неизбежностью приводили к сближению с русским литературным языком (славяно-сербский, украинское "язычие" и т.п.).

2. Церковнославянский язык был создан как богослужебный. Другие языки (греческий, латынь) были лишь приспособлены для богослужения. Это обусловило его специфическую стабильность. Объем и *содержание текстов* стабильны: церковные каноны определяли минимум строго необходимых богослужебных книг в каждом храме. Произведения, появившиеся на протяжении многих веков, сохраняли актуальность и воспринимались как живое творчество современников. Стабильно и социально-сословное *содержание социалемы* церковнославянского языка. Это - православное духовенство как особое сословие со строгими правилами преемства, церковной иерархией, передачей церковных приходов от отца к сыну. Навыки церковного песнопения, церковнославянского произношения передавались из уст в уста.

3. Школа как фактор расширенного воспроизводства социалемы церковнославянского языка от эпохи Ярослава Мудрого до Феофана Прокоповича наибольшее внимание уделяла "книжному просвещению", церковному песнопению и

грамоте. Под последним разумелось твердое усвоение звукобуквенных отношений, формирование начитанности в церковнославянских текстах. Вплоть до XIX в. учились читать по Часослову и Псалтыри. Ведущие тексты молитв и песнопений усваивались в устной форме раньше, чем в письменной. Устная форма была первичной по отношению к письменной почти в такой же мере, как и родная речь. Строгой необходимости грамматического нормирования церковнославянского языка не было (ср. замечания Скарги).

4. Болгарские монахи принесли на Русь церковнославянский язык в богослужебных текстах. Социалема церковнославянского языка постоянно подпитывалась южными славянами (болгары, сербы), греками и молдаванами, поддерживая или усиливая его южнославянский пласт. Динамика социально-этнического содержания социалемы обусловила взаимодействие центробежных и центростремительных тенденций развития церковнославянского языка. Расширение функций и сфер обслуживания привело в эпоху Петра к размежеванию "славянского" языка на собственно церковнославянский и "российский", язык государства Российского.

5. Церковнославянский со своей традиционной графикой, грамматикой и лексикой ограничился функциями языка православной церкви. Язык российский, получив свою графику, стал интенсивно развиваться в функциях языка административной и деловой документации, учебной, научной, научно-популярной, художественной литературы и публицистики, постепенно обогащаясь элементами живой разговорной речи, иноязычными заимствованиями и образцами книжно-языковой европейской культуры.

6. Развивающийся российский (русский литературный) язык постоянно подпитывался церковнославянским языком. Будущий писатель с детских лет знал множество церковнославянских текстов наизусть, учился читать по Псалтыри и Часослову раньше, чем на русском литературном языке, был воспитан в твердом убеждении пользы чтения "книг церковных". Глубокое содержание псалмов и их словесная ткань отражаются на текстах произведений Прокоповича и Кантеми-

ра, Ломоносова и Державина, Пушкина, Гоголя и Достоевского.

7. Разнообразие стилей и жанров, книжно-славянских, разговорных русских и европейских элементов настоятельно требовали грамматического и лексико-стилистического упорядочения, нормализации, создания словарей и грамматик. В начале XX в. современный русский литературный язык содержал, по подсчетам Шахматова и Щербы, более 55% разнообразных элементов, прямо или косвенно восходящих к языку церковнославянскому.

8. За последние семь десятилетий разрушена социалема церковнославянского языка, прекращено преподавание языка своего культурно-исторического ареала в русской школе, прервана благотворная "подпитка" русского литературного языка, что отрицательно отразилось на экологии русской языковой культуры.

КОДИФИКАЦИЯ И ДИНАМИКА НА НОРМАТА В БЪЛГАРСКИЯ КНИЖОВЕН ЕЗИК ПРЕЗ XIX ВЕК

Р.Цойнска

Институт българского языка Болгарской академии наук

Продължителната неустойчивост на писмената практика, многобройните колебания и значителната вариативност на езиковите средства в книжнината, обусловено и от обществено-историческите условия за развитие на българския книжовен език през Възраждането (и през предходните векове), и от някои вътрешноезикови тенденции през средновековието, от една страна, и задачите на националното развитие, необходимостта от общ книжовен език с наддиалектен и полифункционален характер, от друга страна, са налагали да бъдат написани специални нормативни ръководства - грамматики и речници на родния език. Следователно, появата на граматиките на българския език през 30-те - 70-те години на XIX в. е израз на обективна необходимост.

Замислени и използвани преди всичко като учебници в новото (светско) българско училище, възрожденските граматки стават един от основните фактори за оформяне и утвърждаване на нормативната система на новия български книжовен език, за ускоряване на унификационните процеси през миналия век.

Приносът на отделните граматки (както и на граматичната литература като цяло) в устройството на българския книжовен език през XIX в. може да бъде разгледан от различни страни: с оглед на мястото на граматиките в дискусиите по езикови и правописни въпроси, във връзка с ролята на граматиките за установяване на нормативно единство и стабилизиране на книжовния език, и др. Разсъжденията на граматиките по основни проблеми на българския книжовен език (напр. същност на книжовния език и някои негови признаци, отношение между книжовен език и съвременна говорима реч, участие на старобългарската книжовна традиция в езиковото строителство, състав на книжовната лексика по отношение на чуждоезикови влияния, и др.) и бележките към отделни езикови и правописни правила са съдействували за изясняване на редица въпроси и уеднаквяване на схващанията за облика на съвременния книжовен език и пътя на изграждане на общобългарски книжовен език. Предписването на определени нормативни черти е подпомагало да бъдат приети дадени особености по-бързо и от повече носители на езика и да бъдат утвърдени като книжовни в писмената практика.

Специално внимание трябва да се обърне на опита на граматиките да определят състава на книжовната норма (с оглед участието на традиционни и нови езикови елементи) и характера на книжовната норма (във връзка с единството и вариантноста ѝ). По един от главните въпроси на новия български книжовен език - за основата и състава на нормата - е дадено предимство на съвременния узус, а участието на архаичните езикови средства е ограничено. По отношение на характера на книжовната норма са използвани различни кодификационни принципи. В немалко случаи книжовната

норма е представена статично, а в други случаи е приета вариантност на книжовната норма. Нов момент в българската книжнина през Възраждането са многобройните бележки, с които граматиките правят различни оценки на езиковите средства: от нормативно гледище, по сфери на употреба, териториално разпространение, от историческо гледище, по произход, честота на употреба.

С прилагането на по-строга кодификация на книжовната норма е трябвало да бъдат ограничени колебанията и излишното вариране на езикови средства. Този начин на стабилизиране на книжовната практика е обясним за възрожденския период, отличаващ се с тенденция към книжовноезиково единство. А определянето на книжовната норма като динамична може да се обясни и със състоянието на съвременната писмена и говорна практика, и със схващанията на възрожденските граматисти за начина и пътя на изграждане на новия български книжовен език.

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИКРОЯЗЫКИ: ПРОБЛЕМА НОРМЫ

А.Д.Дуличенко

Тартуский университет

Нормативные процессы, подобные тем, что происходят в литературных языках крупных народов, более характерны для островных литературных языков, чем для так называемых матичных. В последних единые нормы по существу отсутствуют, поскольку пишущие обычно опираются на нормы родного говора. Таким образом, матичные литературные микроязыки, к которым мы относим чакавский и кайкавский в Хорватии, карпаторусинский в Закарпатье (Украина) и в Словакии, западнополесский в Белоруссии, а также кашубский в Польше, можно назвать с этой точки зрения полинормными, а в плане конкретного проявления - литературно-идиолектными. При этом важно подчеркнуть, что единство и непрерывность литературно-языкового и культур-

ного процессов способствуют здесь формированию наддиалектных (геср. надговорных) нормативных признаков, особенно выразительных в карпаторусинском и западно-полесском, в известной мере - в кашубском и менее всего - в чакавском и кайкавском.

Что касается островных славянских литературных микроязыков, то в них нормы формируются и развиваются, в определенной мере отражая аналогичные процессы в крупных литературных языках. Однако есть и немало специфичного. Наиболее показательными в плане формирования и эволюции норм могут быть югославо-русинский и градищанско-хорватский (или бургенландско-хорватский) (Австрия), в то время как молизско-славянский (Италия) остается слабо нормированным из-за общей слабости здесь литературно-языкового процесса; что касается резьянского (Италия), то для него только сейчас создаются основы нормативной грамматики (проблема лишь в том, на какой говор или говоры следует опираться).

Состояние и динамика литературной нормы в югославо-русинском и градищанско-хорватском зависит от ряда факторов.

1. От близости к диалектно-разговорной страте. В отличие от матичных, в островных микроязыках нет такой пестроты говорных различий, потому нормы здесь складываются уже с самого начала как более или менее единые. Однако все же остается близость к живой диалектной речи, что так или иначе отражается на состоянии нормы (например, некоторые фонетические и лексические признаки коцурской разновидности в югославо-русинском, в целом опирающемся на рускокерестурскую говорную разновидность; отметим также кайкавские черты в чакавском, по основе градищанско-хорватском).

2. От конкретной литературно-языковой ситуации в прошлом и в настоящее время. Так, на нормы югославо-русинского в прошлом влияли церковнославянский, карпаторусинское "язычие", а также венгерский и сербско-хорватский языки, в новое время - сербско-хорватский, который является своего

рода нормативной моделью для малого языка; есть также тенденция сделать такой моделью и украинский литературный язык. В случае с градищанско-хорватским на состояние его норм воздействуют хорватско-сербский (дистантно), а также немецкий и венгерский (непосредственно), при этом еще с XIX в. здесь наметилось противостояние "прогрессистов" (тех, что ориентировались на нормативные образцы, выдвинутые Л.Гаем) и "консерваторов" со стороны церкви, выступавших за сохранение местной языковой специфики. Это противостояние сохраняется до сих пор.

3. От наличия и эффективного действия кодификации. Для стабилизации и регулирования норм югославо-руси́нского - это нормативная грамматика 1923 г. Г.Костельника и 60-70-х гг. - М.Кочи́ша; для градищанско-хорватского - грамматика 1919 г. М.Милоради́ча (работа над новой нормативной грамматикой сейчас ведется).

4. От субъективных факторов. Ср., например, рекомендации Г.Костельника использовать формы прошедшего времени (перфекта) лишь в виде *читал сом* (я читал), в то время как в литературном узусе утвердилась и вариантная форма типа *я читал*; Г.Костельник же рекомендовал формы сослагательного наклонения типа *читал би сом*, однако нормативной оказалась сокращенная форма *читал бим* и *я би читал*; ср. также постоянные рекомендации М.Кочи́ша обращаться при конструировании новых слов и при заимствовании готовых к собственному языковому чутью (школьные грамматики 1965-1968 гг., а также посмертно изданная в 1974 г. грамматика).

5. От функционального статуса литературного микроязыка. При полифункциональности, каковой, например, обладал югославо-руси́нский (язык школьного и университетского образования, периодических изданий, радио, телевидения, художественной и научной литературы, церкви и под.), нормы приобретали в нем достаточно строгий характер и в целом подчинялись кодификационным установкам; в последнее время, однако, по известным политическим и прочим причинам функциональные возможности этого микроязыка сильно редуцированы. Градищанско-хорватский занимал бо-

лее скромные функциональные позиции (начальная школа, периодика, радио, художественная литература, церковь), что, правда, не мешало ему идти в направлении более или менее единых норм.

Однако во всех случаях остается проблема сильной вариантности, нередкоходящей до языкового смешения в определенные периоды истории литературных микроязыков. Ср., например, во многом смешанный русинско-великорусский (и церковнославянский) язык 30-х гг., пропагандированный Культурно-национальным союзом югославских русин в Коцуре; язык градищанско-хорватских изданий 40-50-х гг. XX в. и др. К опасности языкового смешения югославо-русинский толкает мощное одностороннее воздействие на него сербско-хорватского; дистантное воздействие (через отдельных лиц и периодику) украинского литературного языка на югославо-русинский и хорватско-сербского литературного языка на градищанско-хорватский слабее, однако, ввиду их близости соответственно друг другу (т.е. югославо-русинского и украинского, градищанско-хорватского и хорватско-сербского), такая ситуация в известной мере сохраняется и здесь.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЭВОЛЮЦИИ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА ЕВАНГЕЛИЯ

А.С.Новикова

*Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова*

Спорность вопроса об объеме и составе первоначального перевода Евангелия затрудняет построение текстологического и лингвистического анализа этого памятника.

Опираясь на исторические и лингвистические данные, ретроспективное исследование списков Евангелия разных редакций и изводов, можно заключить, что древний славянский перевод Евангелия прошел в своем развитии несколько этапов.

Вначале (до Моравской миссии) славянскими Первоучителями был переведен краткий апракос, этот этап лучше всего отражен в Ассеманиевом евангелии. В мораво-паннонский период был составлен тетр путем объединения переведенных тогда комплекторных (дополнительных) частей с текстом первоначального краткого апракоса. Этот этап фиксируют Мариинское и Зографское евангелия. Параллельно возникла моравская редакция краткого апракоса под обратным влиянием тетра (Саввина книга).

В кирилло-мефодиевском переводе Евангелия успешно избегалось навязывание чуждых славянскому языку конструкций, соблюдалась в полной мере специфика славянского языка как в грамматическом строе, так и в словарном составе. Грецизмы сохранялись в основном только для обозначения новых для славян реалий, связанных с религиозно-церковной сферой.

В дальнейшем происходит адаптация моравской редакции тетра на Балканах в рамках Охридской и Преславской школ.

Анализ преславских списков Евангелия показывает, что это была эпоха становления норм словоупотребления. Язык этих списков отличается меньшей стабильностью по сравнению с кирилло-мефодиевскими переводами, регулярным проникновением в текст явлений живой речи, заменой средств выражения того или иного значения "допустимыми" вариантами. Особенно ярко проявлялась сознательная языкотворческая деятельность преславских переводчиков и редакторов, продолживших традицию Мораво-паннонской книжной школы - замену грецизмов-терминов религиозного учения и церковной иерархии словами местного ареала - и разработавших новые способы создания слов. Реализация ряда продуктивных словообразовательных моделей и специфически-славянских словообразовательных средств приводит к неуклонному увеличению объема слова, к появлению в евангельском тексте ряда однокоренных дублетов. Уже в преславских списках Евангелия намечается тенденция отхода от кирилло-мефодиевских традиций в области синтаксиса. Утрачивается кирилло-мефодиевская традиция перевода по семам. Возможно,

в преславскую эпоху в славянском переводе Евангелия появляются так называемые "вторичные" грецизмы.

В поздних редакциях Евангелия, с одной стороны, прослеживается языкотворческая тенденция, идущая от Преславской книжной школы, ведущая к увеличению числа многоморфемных образований, включающих по несколько корней и аффиксов, с другой - все чаще встречается рабская зависимость от греческих подлинников, нередко в ущерб требованиям старославянского языка.

Главной особенностью Афонской редакции Евангелия, осуществленной на рубеже XIII-XIV вв. на славянских Балканах, является модификация орфографии под влиянием греческого письма, появление в лексике и синтаксисе грецизмов. Классическим образцом текста этой редакции является Воскресенское (1) евангелие XIV в. (ГИМ, Москва).

С Чудовского Нового Завета (III редакция Евангелия по классификации Г.А.Воскресенского) начинается история грецизации русско-славянской Библии, выражающаяся прежде всего в калькировании строем русско-славянских фраз строя фраз греческих.

Афонская редакция Евангелия, несколько реформированная патриархом Евфимием в Болгарии и его учениками в Сербии, была использована в южнославянских и русских печатных изданиях XV-XVI вв. и в церковном употреблении удерживается до сих пор.

Таким образом, в эволюции славянского перевода Евангелия четко прослеживается процесс постепенного отхода от кирилло-мефодиевских традиций в сторону механического подражания греческим образцам.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКЕ

(по рукописям классического старославянского
языка X-XI вв.)

Р.М.Цейтлин

Институт славяноведения и балканистики РАН

В течение 150 лет своего существования старославянский язык на всех языковых уровнях претерпел значительные изменения структурного характера.

Ограничимся здесь несколькими примерами типичных явлений таких характерных процессов.

В области фонетики: частичная утрата редуцированных гласных в слабом положении (типа *много* при *мъного*, *псати* при *пъсати*); явления сингармонизма (типа *въдова* при *вьдова*).

В области морфологии: новый тип аориста (типа *рекохъ* при *рѣхъ*).

В области синтаксиса: распространение дательного падежа в функции родительного принадлежности (типа *храмъ* *молитвъ* при *храмъ молитвы*).

В области словообразования: развитие суффиксальной системы (типа *спаситель* при *спасъ*; *сжпърникъ* при *сжпърь*); префиксальных образований (типа прилагательных на *прѣ-* усилительного значения - *прѣблажнъ*, *прѣвѣчнъ*).

В области лексики: увеличение числа композит (калек с греческого - типа *благожъхани* - εὐδοχία; собственно старославянских слов - типа *водоносъ*, ср. ὕδρις); развитие категории отвлеченных существительных с различными суффиксами (типа *велинство*); существительных женского рода со значением лица (типа *исповѣдница*, *старица*); появление ряда славянских слов как дублетов неславянских лексем (типа *оучитель* при *равви*, *стъклѣница* при *алабастръ*, *вонд* при *ароматъ*).

Языковые факты подобных типов, во множестве представленные в языке старославянских рукописей, должны рассмат-

риваться в совокупности: это не изолированные и случайные явления в динамической истории старославянского языка; они характерны для определенных культурных центров и циклов рукописей.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

В.С.Ефимова

Институт славяноведения и балканистики РАН

1. Всего несколько десятилетий отделяют конец эпохи царя Симеона от времени первых кирилло-мефодиевских переводов, но дошедшие до нас рукописи свидетельствуют об интенсивном развитии в течение этого периода первого книжно-письменного языка славян как литературного языка. В работах по лексике этого языка лексикологи-палеослависты уже отмечали изменение норм словоупотребления на древнейшем этапе его истории, однако сделанные наблюдения касались прежде всего существительных и глаголов, очень мало прилагательных и практически совсем не касались наречий. Вместе с тем при изучении языка как литературного наблюдения над изменением в характере употребления прилагательных и наречий представляются не менее важной задачей, так как, как было доказано еще Б.Бернстайном, именно использование необщеупотребительных (uncommon) прилагательных и наречий является одним из основных показателей, дифференцирующих язык разработанный, интеллектуальный (elaborated code) от языка обыденного, упрощенного (restricted code). В докладе излагаются некоторые результаты исследования употребления наречий образа действия в языке Иоанна Экзарха Болгарского. Несмотря на то, что до нас не дошли древнеболгарские списки произведений Иоанна Экзарха (древнейший список "Шестоднева" - 1263 г. сербского извода, "Небес" - XII/XIII в. русского извода), считаем возможным в качестве материала для исследования исполь-

зовать (с некоторыми оговорками) известные издания Р.Айцетмюллера и Л.Садник.

2. Основные тенденции развития первого книжно-письменного языка славян у писателей Преславской школы в значительной степени зависели от особенностей его социальной базы. Чрезвычайно узок был круг древних книжников, но деятельность их была направлена на доступность, понятность книжного языка его "пассивным потребителям". С одной стороны, на смену архаизмам и грецизмам в литературный язык, несмотря на его элитарность, сознательно включались слова местного ареала и другие элементы живой народной речи. С другой стороны, необходимость перевода с греческого гораздо более сложных по содержанию и стилю, чем Евангелие и Псалтырь, произведений обуславливала поиск новых выразительных средств, активное словотворчество, поморфемное калькирование, создание слов на базе славянских морфем по наиболее продуктивным моделям - в результате возникали сугубо книжные лексемы, вряд ли возможные в обыденной речи.

3. Употребляемые в произведениях Иоанна Экзарха наречия во многом относятся к числу выразительных языковых средств, вызванных к жизни необходимостью перевода сложных по содержанию и стилю греческих текстов (Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста, Севериана Гавальского, Феодорита Киррского, Григория Богослова, Григория Нисского, Василия Великого и др.), а также создания сопоставимых с ними по содержанию и стилю оригинальных фрагментов текста. В языке Иоанна Экзарха просматриваются как бы два слоя наречий образа действия: 1) наречия, принадлежащие к общеупотребительной лексике, известные по древнейшим евангельским кодексам и Синайской псалтыри, высокочастотные; это наречия, структура которых говорит об их древности (типа *зѣло, мало, часто*), а также несколько наречий "на -о", образованных от прилагательных с суффиксом *-ън-* (типа *коупно, равьно*); 2) книжные лексемы, малочастотные и гапаксы, образованные от аффиксальных прилагательных,

адъективированных причастий, прилагательных-комполит; среди них подавляющее большинство относится к словообразовательной модели с суффиксом **-ѣ**. В древнеболгарских рукописях X-XI вв., не связанных непосредственно с Преславской школой, на месте последних обычно находим так называемые наречия "на -о". Таким образом, если в соответствии с греческим наречием εὐσεβῶς в Синайском евхологии (в недавно найденной части, Титу 2,12) употреблено **благотѣрно**, то в "Шестодневе" (259а 26-27) - **доброчѣстьнѣ**, если в соответствии с εὐσχημόνως в Енинском апостоле **благообразно** (Рим 13,13), то в "Шестодневе" - **доброобразнѣ** (34d 28 -35а 1), если в соответствии с ἐξαιρέτως в Синайском служебнике **издрядно** (3в 7), то в "Шестодневе" - **издряднѣ** и т. п. Возможно, следует поставить вопрос о влиянии "образца" языка Иоанна Экзарха в употреблении наречий на других писателей Преславской школы: в "Беседе" Козьмы Пресвитера (к сожалению, так же не имеется древнеболгарских списков), в Изборнике 1073 г., в "преславских" частях Супрасльской рукописи наречия с суффиксом **-ѣ** сложной структуры (образованные от аффиксальных прилагательных и прилагательных-комполит) употребляются наряду с наречиями на -о подобной структуры. Рассматриваемый материал дает также некоторые данные о специфике функционирования нормы в отсутствие формального нормирования в литературном языке на древнейших стадиях его развития.

ИННОВАЦИИ ВО ВНОВЬ НАЙДЕННОМ ВАЖНОМ СЛАВЯНО-РУССКОМ ПИСЬМЕННОМ ИСТОЧНИКЕ

Е.М.Верещагин

Институт русского языка РАН

1. С именем Климента (четвертого по преемству после ап. Петра папы Римского), слывшего покровителем новокрещенной Киевской Руси, в мире Slavia Orthodoxa (и особенно на территории восточного славянства) связан обширный корпус

древних письменных источников. Они опубликованы П.А. Лавровым (Памятники христианского Херсонеса, вып. II, М., 1911). Недавно их число удалось пополнить неизвестным богослужебным последованием обретению (в Херсонесе-Корсуни) мощей мученика, причем сочинителем службы является, весьма вероятно, первоучитель славянства Кирилл Философ.

2. Среди славянских Clementina важное место занимает очень пространное **Жн(т)не стго сцѣнномѣнка Климента еп(с)па Римскаго оучѣка стго ап(с)ла Пѣтра** (далее сокращенно: **Ж**), представляющее собой перевод с греческого языка на церковнославянский знаменитых Псевдо-Климентин, подложного жизнеописания святого. Перевод рабски следует за (правда, действительно сложным) греческим оригиналом, так что в обширнейшем тексте оказалось, к сожалению, немало невразумительного.

3. В октябре прошлого года пишуший эти строки разыскал парафраз славянских Псевдо-Климентин, с надписанием **Слово похва(л)ное сцѣн'номоученико(у) Клименту, оучѣнкоу стго ап(с)ла Пѣтра** (сокращенно: **С**). Источник содержится в ВМЧ митр. Макария (рукописное собрание ГИМа, Син. 988, листы 1187r 1201v, большой формат, на странице по две колонки, тщательный полуустав с элементами скорописи). О существовании **С** П.А.Лавров знал, но не имел возможности ни издать его, ни даже познакомиться с ним; публикация ВМЧ, осуществлявшаяся выпусками, после переворота 1917 г. оборвалась, к сожалению, именно на **С**. Таким образом, оно до сих пор недоступно для исследователей.

4. Между тем **С** обладает для науки повышенной ценностью. **С** представляет собой мастерскую переработку непонятного древнего перевода **Ж**, и поэтому интересно, во-первых, своими приемами модификации исходного текста. Оно замечательно, во-вторых, актуализацией исторического содержания и, в-третьих, особенностями языка. (Парафраз был, вероятно, выполнен в середине ХУІ в., так что его язык отражает состояние, переходное к собственно русскому литературному языку второй половины ХУП в.). **С**, в-четвертых,

должно занять свое место в общем исследовании Псевдо-Климентин. В-пятых, С важно для изучения отношения православного Востока к католическому Западу. Перечисление далеко не исчерпано.

5. Ниже мы помещаем для образца две содержательно соотнесенных выписки: первую из Ж (по Лаврову, главка 68, с. 74); вторую из С (непосредственно по рукописи, лист 1191v, 2-ая колонка, строки 3-18). Фрагменты из С точно подписаны под соответствиями из Ж, так что легко судить о технике перефразирования и о лексических заменах.

Въ четвертын же оубо днь въ Триполи. Петръ въставъ
 в четверты(н) оубо днь. петръ въставъ
и помолнв' сѧ сѣде
по(мо)лнвса сѣде.

и с нами нача(т) глѧти. хутан пригти къ Бѡу.
 и к на(м) нача(т) глѧти. хотан ре(ч) пригти к' боу,
требоуетъ трезвѣти(с).
требо(у)етъ трезвѣтисѧ.

цѣломоудрѣти ѿ грѣва въздръжатисѧ. чюжихъ не хотѣти.
праведно

цѣломоудрѣти. ѿ грѣва възрѣжатѣ(с), чюжи(х) не желати.
 жити, кротцѣ блгостатнѣ, тихо, мѡчитисѧ самомоу паче(ж)
в ницетѣ.
страдатѣ паче в ницетѣ.

нежели оу много ѿим'ше зане имѣнѧ насыгитѣ(с). ч(с)тоу
бѣгти
чистѣ быти

ср(д)цель и чистоу тѣло(м). и не по(д)вѣтисѧ
фарнсеомъ къ нимже глѣтъ Гѣ

ср(д)цель, чистоу (ж) и тѣло(м). и не по(до)вѣтѣ(с)
фарнсеомъ

и Бѣ нашъ Ис Хѣ, горе вамъ книжници и фарнсеи лицемѣри,
ѡко очищаете

стъкланици и блудоу вѣвшее. оутроудоу же испльнь
скверны. фарнсею

СКЛАНИЦА И БЛЮДОУ ВЪШНАА *шчицаюцимъ.*
 слѣпыи, очисти прѣже стѣкланици и блюду, да бѣде(т) има
 и в'нѣшнее
 чисто. и вонстѣноу. просвѣтившоу бо оумоу разоумомъ,
 оувѣдѣвыи
 можетъ добръ быти. емоу же то(н) вели(т) ч(с)тоу быти.
 ѿ днешнаго бо
 ѿ вноутрнаго бо
 смысла. внѣшнее тѣла, блго бывае(т) промышленіе, такоже
 еже по
смысла внѣшнему тѣла благо бываетъ промышленіе.
 тѣлеснѣ(м) нечувствѣи, помышленіа промыслъ бѣти не
 може(т). тако и
 очистивыи днѣшнее, и внѣшнее очистити можетъ. внѣшнее
 бо очицаан, на
внѣшная (ж) шчицаа, на
 члѣско хваленіе взираа се творитъ и на хвалоу выдацимъ
 его, ѿ бѣ же
члѣско хваленіе се творит(т), ѿ бѣ же
 мз(д)ы не имѣеть.
мз(д)ы не имать.

6. Переработчик (как видно из образца, а также из анализа всей рукописи) стремился по возможности опустить цельные фрагменты, которые ему представлялись невразумительными. Если же опущение невозможно, то он давал свою интерпретацию непонятного, и сопоставление с греческим оригиналом (бывшим, естественно, недоступным для компилятора) показывает, что догадки исходя из контекста не всегда приводят к успеху.

7. Позднейший парафраз Псевдо-Климентин Димитрием, митр. Ростовским, отличается от С не только краткостью, но и качественным отличием приемов литературной работы.

**ФАКТОРЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ НОРМ
СТАРОБЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА**

В.М.Свежинский

Институт языкознания им. Якуба Колоса, Минск

Традиционность орфографии старобелорусской письменности первых столетий Великого княжества Литовского была настолько высокой, что послужила основанием для некоторых ученых вообще поставить вопрос о наличии у белорусов в древности собственного литературного языка. Даже светские деловые тексты этого времени на орфографическом уровне почти не обнаруживают признаков белорусского происхождения.

Сказанное касается кириллических текстов. Как известно, кириллическая система письма была принесена к восточным славянам прежде всего как форма фиксации священных христианских текстов. Этим был обусловлен авторитет как письма, так и самих текстов. Консервации в них традиционных орфографических приемов способствовало то обстоятельство, что у восточных славян, как и у других народов в эпоху Средневековья, имела место ситуация диглоссии, при которой ритуальное и народное языковые образования находились в отношении функционального распределения (Л.Л.Гумецкая, М.А.Жовтобрюх, А.И.Журавский, П.П.Плющ, Г.К.Успенский, Г.Хютль-Фольтер и др.). В этих условиях, как известно, понятие нормы связывается исключительно с престижным книжным языковым образованием. Некнижное же в принципе не может быть кодифицировано. Поэтому единственным пособием по обучению грамоте, как церковнославянской, так и белорусской, служила псалтирь (см. предисловие Ф.Скорины в псалтирь). Списывание книг в ВКЛ было распространено слабо, а те немногие, что имелись, не отражали белорусских черт и поэтому должны быть признаваемы за привозные (А.И.Соболевский). Эти книги служили источником норм и для писцов светских книг.

Положение ощутимо меняется начиная с середины XVI в. Под влиянием реформационного движения (С.Будный, В.Тяпинский) ситуация диглоссии на белорусских землях трансформируется в ситуацию двуязычия. Старобелорусский язык, став вторым языком православия, приобретает в обществе самостоятельный статус. В это время достигает невиданных масштабов распространения самая прогрессивная в орфографическом отношении деловая письменность (Статуты ВКЛ, Трибунал ВКЛ, Литовская метрика и др.). В новой ситуации последняя начинает ориентироваться на нормы живой речи. Документы, в которых отдельные из них (переход **в** в **у**, **ў**; отвердение шипящих, **ц**, **р**) находят широкое отражение, становятся образцами для других разновидностей письменности.

Однако белорусские черты, которые в наибольшей степени противоречили господствовавшему в кириллическом письме этимологическо-морфологическому принципу, так и не нашли в ней сколько-нибудь заметного отражения (переход **л** в **ў**, аканье-яканье, дзеканье-цеканье). Напомним, что произношение на **о** было едва ли не самой главной отличительной чертой речи лиц, владевших церковнославянской грамотой. И поскольку кириллическое письмо по традиции связывалось с церковнославянским произношением, оно и было препятствием для дальнейшей фонетизации старобелорусской орфографии.

При переходе же на другую систему письма, не связанную с церковнославянской книжной традицией (арабскую), отражение важнейших особенностей белорусской речи достигает уровня нормы. В белорусских текстах арабским письмом, написанных белорусскими татарами, по словам их исследователя А.К.Антоновича, в значительно большей степени заметно стремление к приспособлению арабской азбуки к передаче особенностей белорусской речи, чем в сербских текстах к передаче особенностей сербского языка. Эти тексты являются поэтому ценнейшим источником для реконструкции устной формы старобелорусского литературного языка.

О НОРМЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧЛЕННЫХ ФОРМ ИМЕНИ В КНИЖНОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ ХУП ВЕКА НА НАРОДНОЙ ОСНОВЕ

Е.А.Сорокина

Институт славяноведения и балканистики РАН

1. Норма употребления членных форм имени (далее ЧФ) в книжном болгарском языке берет начало в дамаскинах ХУП в. Именно в этот период в памятниках болгарской письменности начинает в большей степени, чем прежде отражаться живой народный язык. В них с высокой частотностью встречаются ЧФ имени, в то время как в более ранних текстах артикль представлен отдельными спорными примерами, что объясняется традицией конфессиональной письменности.

2. Морфологическим показателем определенности в дамаскинах ХУП в. может быть членная морфема (далее ЧМ), склоняемая членная морфема и указательное местоимение *онзи*. Основное различие между членной морфемой и другими детерминаторами заключается в способности ЧМ выполнять функцию обобщения, генерализации, а также в наличии у ЧМ функции количественной определенности - обозначения полного охвата предмета/явления, полной исчерпанности объема. Указательное местоимение *онзи* и склоняемая ЧМ (*-того, -томъ*) используются только в анафорических структурах; сохраняя смысловую самостоятельность, они выполняют функцию, по значению приближенную к артиклю. Эти детерминаторы кроме отсылки к понятию, о котором говорилось в предыдущем контексте, сохраняют свое действительное значение, причем в значении доминирует дейксис, а не анафора. Примечательно, что из оппозиции указательных местоимений *този* - *онзи* в анафорических структурах используется не абстрактное *този*, не имеющее дополнительного значения кроме абстрактного дейксиса, а указательное местоимение со значением удаленности при визуальном контакте. При отсылке к упоминавшемуся ранее пред-

мету/явлению *онзи* дает сигнал об отдаленности объекта во времени или пространстве.

3. Различие между членной морфемой и другими детерминаторами также состоит в регулярности, правильности, обязательности для ЧМ и в факультативности для других детерминаторов. Так, несмотря на высокую частоту *онзи* в текстах, нормативным для книжников ХУП в. является употребление в анафорических структурах ЧФ имени.

4. Тексты дамаскинов ХУП в. позволяют проследить динамику становления нормы употребления детерминаторов. Процесс выбора показателей определенности проходил через несколько стадий, а именно: от детерминации имени при помощи указательного местоимения к употреблению ЧФ имени через стадию использования энклитических указательных местоимений в именных группах (склоняемых ЧМ).

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ "ЛЕКСИЧЕСКОЙ НОРМЫ" В ТЕКСТАХ НОВОБОЛГАРСКИХ ДАМАСКИНОВ ХУП-ХУШ ВЕКОВ

Г.П.Клепикова

Институт славяноведения и балканистики РАН

1. Феномен "динамики нормы", несомненно, должен рассматриваться как следствие более общих процессов развития самого языка как *системы* и как отражение исторически обусловленных изменений - в социолингвистической (= социокультурной) ситуации, в которой язык функционирует. Применительно к болгарскому книжному языку на народной основе (далее КЯНО), отраженному в новоболгарских дамаскинах ХУП-ХУШ вв., определяющее в понимании указанного явления состоит, по-видимому, в процессе экстенсивного, *дивергентного* развития КЯНО в этот период (= период Предвозрождения). Он характеризуется (1) принципиальной ориентацией книжного языка на народно-разговорный язык (= "демократизация") - при том, что сохраняется связь и с "традиционным" языком и (2) отсутствием установки на

создание общенародного литературного языка (подобные конвергентные тенденции стали содержанием следующей эпохи - Возрождения) [1].

2. Дивергентное развитие КЯНО означало возникновение большого числа новых, локальных его вариантов; это сопровождалось "расшатыванием стабильного узуса" и отходом от нормы, сложившейся в начале ХУП в. на базе диалектного койне (р-н Луковита-Этрополе) и нашедшей достаточно последовательное отражение в языке "старших" дамаскинов. Децентрализация КЯНО выражалась и в возникновении вариантов "нормы", отличавшихся различным соотношением "традиционного" и народного языка. Последний все более четко ассоциировался с тем или иным местным (= территориальным) диалектом, что в конце ХУШ в. приводит к "писанию на диалекте"; с другой стороны, в "полуцерковнославянском языке" И.Брадатога и его школы реализовалось иное направление развития КЯНО, поскольку выбор был сделан в пользу "традиционного" языка [2]. Естественно, что сфера бытования этих вариантов КЯНО и, соответственно, принятых в них "норм", "была ограниченной, нередко замыкающаяся в рамках деятельности конкретного книжника, не распространялась на устное общение" [3].

3. Современные исследователи определяют "норму" книжно-письменного идиома на народной основе не только как "наличие в тексте тождественных и потому нормативных для высказываний моментов", но и как допустимость ситуативно совместимых вариантов. Особенно важно понимание "структуры нормы" как соотношения "постоянных (константных)" и "вариативных" звеньев при изучении лексики дамаскинов - наиболее "открытой" (под)системы языка. Наблюдения показывают, что в соответствии с этой нормой в дамаскинах фиксируется повышенный уровень внутрисистемной синонимии (и конкуренция лексических вариантов), которая может рассматриваться как следствие интеграции единиц, унаследованных как из "традиционного" языка, так и из "народного", где в ХУП-ХУШ вв. уже существовал обширный пласт заимствований (из греческого, турецкого и под.). По-видимому, в

ХУШ в., по сравнению с ХУП в., степень допускаемой "лексической нормой" вариативности увеличилась (именно за счет более глубокого воздействия различных диалектов и нарушения баланса между указанными выше частями словаря), что отражалось на динамике нормы - на скорости изменений в ней - и далее приводило к ее неустойчивости и значительному ослаблению. Это положение было преодолено только на этапе, когда начался конвергентный этап развития болгарского литературного языка (30-е гг. XIX в.) и когда вновь была осознана "практическая важность нормы или ее элементов для данной социальной группы" (Л.Щерба).

Один из подходов к изучению лексической нормы КЯНО состоит в параллельном рассмотрении аутентичных фрагментов текстов не менее, чем двух дамаскинов (например, Тх и Св) и выяснении, какие явления (в том числе *типы* изменений в лексике) наблюдаются на возможно более длительном временном отрезке (в нашем случае - с начала ХУП в. по середину ХУШ в.) и каким образом они характеризуют динамику (= подвижность) этой нормы в данном книжно-письменном идиоме. Рассматриваются факты, свидетельствующие о стабильности лексической системы Тх и Св (Ia - исконная лексика, Ib - заимствованная), варьирование лексических единиц в Тх и Св как признак "лексической нормы" (Pa - исконная лексика, Pb - исконная и заимствованная лексика), асимметрия лексических единиц в Тх и Св (Ш - наличие какой-либо единицы в одном дамаскине и отсутствие в другом) и др.

Приложение

Ia: помысли за **гвѡздѣто** щѡ бѣха га пригвоздѣле... (Тх 26) - помыслы за **гоздѣту** що бѣха Христа пригвоздѣле (Св 598); оу **въбѣль** сѣхъ (Тх 24) - у **въбѣль** сѣхъ (Св 594); до, ѣ, **растѣсы** (Тх 304) - до **ѣ** **растѣси** (Св 558); и оузе тогѣзи **мотѣка** (Тх 25) - и узе тугѣзы **мутѣка** (Св 596); **ѡти** ѣ магѣа **ѡбаѣнѣ** тази рабѡта (Тх 301) - **ѡти** е магѣе, **ѡбаѣнѣ** тази рабута (Св 551).

Ib: довѣсаха **тоѣ** час слѣѣти (Тх 230б) - довѣсаха **тоѣ** часъ слѣгы (Св 593); да **дѡнесѣтъ** **бѡтѣше**... (Тх 301б) - да

донесат' бутуш... (Св 552); ёла га стори кор'бань (Тх 302) - ила да стори(ш) корбан' (Св 554); б'ше тамб пр'д диваньтъ... , ѿ сен'ц'ратъ (Тх 304) - пред диванат царевъ..., от сенц'рат (Св 558).

Па: съсаеше като и сич'ки д'ца... да си ѡгоуди боска въ ѡтата (но и: догдѣ св'ка боска...) (Тх 133) - тои не сучеши кату д'ругите деч'я..., никакъ не земаши ц'цата в' утата (Св 456); найде камикъ гол'м и плос'къ (Тх 25) - нам'ры камикъ гол'мъ плоскаты (Св 596);

Пб: вид'ѣ ст'и николае насън'ѣ вражд'бника д'явола (но и: душ'мане мой) (Тх 136, 3016) - ...на с'н'ѣ душманна д'явола (Св 464); при морето на пристанището гдето б'х' корабете (ср. и: на скелата) (Тх 137, 312) - при мор'ето на скел'та, гдето б'ха гем'и (Св 467); т'к'мо ѡко дадеш' нам наем' (Тх 137) - т'кмо ако н' дадеш' кур'ята (Св 467); защо се избавише ѿ б'д' (Тх 136) - ...се б'ха кургулисали ѳ онази б'д' (Св 466).

Ш: погледа валаамъ и вид'ѣ аг'ла пр'д н'го (Тх 2426) - погледа Валаам' очив'сно и вид'ѣ... (Св 33), при: ...очив'сно испов'д'ваах' х'а (Тх 139) - очив'сно пропов'дуваха Христа (Св 472) и др.

Литература

1. Демина Е.И. Проблема предыстории современного болгарского литературного языка // Kształtowanie się nowobulgarskiego języka literackiego. Wrocław, 1990, s.46, 49.
2. Демина Е.И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник ХУП в. София, 1985, с.20-21.
3. Демина Е.И. Проблема..., s.46.

О НОРМЕ КНИЖНОГО ЯЗЫКА НА НАРОДНОЙ ОСНОВЕ В СБОРНИКАХ ИОСИФА БРАДАТОГО ХУШ ВЕКА

Формообразование и синтаксис имен существительных
в дамаскинах N1058 и N689
(на материале "Слова об апостоле Фоме")

И.В.Платонова

*Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова*

Одной из интересных особенностей периода Предвозрождения Болгарии является создание на народной основе различных типов книжного языка. Наиболее изученный из них - язык новоболгарских дамаскинов ХУП в., которому присущи многие новоболгарские особенности, в том числе и аналитическое выражение синтаксических отношений имен существительных. Нормы книжного языка на народной основе других рукописей, включая и функционирование имен существительных, значительно отличаются от норм этих дамаскинов. Таковы рукописи одного из ярких представителей книжников ХУШ в. - рильского духовника Иосифа Брадатого, который многие произведения переводил сам со славянских и греческих источников и был не просто компилятором, а творчески относился к тексту, часто расширял его, приспособлял к болгарским условиям. И хотя его сборники написаны позднее, формообразование и синтаксис имен существительных в этих дамаскинах более архаичны, чем в новоболгарских дамаскинах ХУП в. (далее НД).

Можно согласиться с существующим в научной литературе мнением, что изменение нормы было связано с новыми духовными и литературными веяниями того времени: новые реальности, далекие от канонической практики, нуждались в опоре на культурную традицию, тем более что еще не было объединяющего культурного центра; вероятно поэтому элементы древнеболгарского языка использовались наряду с новоболгарскими особенностями, манифестируя сознательное смешение традиционных и новых языковых средств.

В докладе рассматривается формообразование и функционирование имен существительных в "Слове об апостоле Фоме", одной из статей дамаскинов N1058, писаного Иосифом Брадатим, и N689, переписанного Янкулом в с. Хрелево со сборника Иосифа. Оба дамаскина хранятся в рукописном отделе Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия г. Софии.

По сравнению с НД в тексте сборников употреблено много выражений, и не только канонических, перенесенных из оригинала без изменений, с сохранением падежных форм, правда, нередко с ошибками. В этих выражениях остаются флексии склонения на *i и на согласный: по времени, с помощью **вжю** и др. Но характерно, как и в НД, объединение существительных в типы склонения по родовому признаку. Флексии существительных м.р. восходят к флексиям старого типа склонения *o- основ, а ж.р. - к флексиям старого типа *a- основ. В основном же синтетические отношения имен существительных в дамаскинах N1058 и N689, как и в НД, выражаются аналитически, однако способы выражения в этих сборниках и в НД во многом различны.

Для обозначения прямого и других косвенных объектов у существительных м.р. в ед.ч., притом и у неодушевленных (в отличие от НД) употребляется общая форма, восходящая к род.-вин. падежу *o- основ. Формы существительных - номинативного субъекта и неодушевленных существительных с предлогами - объекта направления восходят к им. падежу *o- основ. В функции адресата предоставления и адресата сообщения употребляется дательный беспредложный одушевленных существительных м.р. ед.ч. (как и в НД). В значении принадлежности встречаются как дательный приименной, так и родительный.

Существительные ж.р. ед.ч. при обозначении номинативного субъекта употребляются в форме им. падежа, в остальных случаях - винительного (однако много отклонений в функции прямого объекта). Такое использование вин. падежа - также отличительная особенность языка рукописей N1058 и N689.

Остальные имена существительные - ср.р. в ед.ч. и мн.ч., ж.р. и м.р. во мн.ч., как и в НД, употребляются в общей форме, восходящей к им. падежу.

В обоих сборниках часто встречаются свойственные традиционному языку отвлеченные существительные ср.р. на **-іе (-іє)**: **проценіе, благословеніе, невѣрніе, богоразуміе, чловѣколюбіе** и т. п.; вместо предлогов **о** (в значении изъяснительного объекта) и **за** (в значении предназначения) используется предлог **ради**.

Широкое употребление канонических и других выражений из традиционных текстов с сохранением падежных флексий имен существительных, повсеместно встречающиеся формы род.-вин. падежа существительных м.р. ед.ч. и вин. падежа ж.р., а также и существительные ср.р. на **-іє** делают язык, на котором написаны дамаскины N1058 и N689 в плане синтаксических отношений имен существительных более архаичным, чем язык новоболгарских дамаскинов ХУП в.

ИСКУССТВЕННЫЕ ПРАВИЛА СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА СТАДИИ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ

Г.К.Венедиктов

Институт славяноведения и балканистики РАН

1. Современный болгарский литературный язык (СБЛЯ) складывается, как известно, на базе живой народной речи, имея определенную территориально ограниченную диалектную основу. Начало этого процесса относится к 20-м, а завершение к 70-м годам XIX в. Не будучи непосредственным продолжением существовавших у болгар местных литературно-письменных традиций, этот язык вместе с тем не создается в полном отрыве от этих традиций. На его формировании сказывается и влияние церковнославянского (русско-церковнославянского) языка, который в ХУШ в. и первой половине XIX в. имел у болгар широкое употребление, пользовался высокой престижностью и воспринимался

ими почти до середины прошлого столетия как язык собственно древнеболгарский. Живая народная речь болгар отличается значительным диалектным разнообразием - обстоятельство, которое само по себе в немалой степени усложняло выбор и закрепление норм отдельных элементов структуры складывавшегося СБЛЯ. Складывание норм этого языка протекало в острой филологической борьбе, в ходе которой предлагались разные решения вопросов о самом его характере, диалектной основе, путях совершенствования и стабилизации в качестве общеполгарского литературного языка. В решении спорных вопросов нормализации отдельных элементов структуры СБЛЯ функцию своего рода арбитра нередко исполнял сначала церковнославянский, а позднее древнеболгарский язык.

2. В ряду предложений (требований) по нормализации структуры СБЛЯ на стадии его становления книжниками той поры выдвигались и такие, которые сводились к закреплению в ней норм, не свойственных народной речи того времени или литературно-письменным традициям. Такого рода предложения носили характер искусственных правил, которые формулировались в грамматических и других трудах и/или же прилагались на практике в самих текстах того времени. Искусственные правила - это изначально индивидуальное (авторское) порождение потенциальных, т.е. в перспективе возможных, норм литературного языка. Очевидно, что за такими правилами на стадии становления СБЛЯ еще не стоят сами нормы данного языка, поскольку на этой стадии они еще не обладали важнейшим признаком, свойственным норме, - ее общеобязательностью для тех, кто пользуется литературным языком.

3. На стадии становления СБЛЯ искусственные правила предлагаются для нормализации его орфографии, грамматики, лексики. Обращение к ним грамматистов и других книжников того времени диктуется главным образом двумя причинами. Одна из них - стремление устранить многообразие реализаций того или иного элемента структуры литературного языка или привести их в известную норму (например,

обозначение звука /ъ/, членные морфемы). Другая причина - стремление усовершенствовать структуру литературного языка (например, отказ от конечных еров, ограничение употребления предлога *na*, употребление прилагательных с членной морфемой, отказ от турцизмов и грецизмов). Не все искусственные правила, предлагавшиеся на стадии становления СБЛЯ, закрепились и вошли в систему его кодифицированных норм. В числе утвердившихся - хорошо известное синтаксическое правило употребления полных и кратких членных морфем мужского рода единственного числа, необходимость которого как раньше, так и в настоящее время, впрочем, подвергается большому сомнению или вообще отвергается именно из-за его искусственного характера.

4. В современной лингвистической литературе высказывается мнение о необходимости отказа от всех искусственных правил, предложенных в разное время и утвердившихся в СБЛЯ. Реализация данного предложения едва ли была бы целесообразной хотя бы потому, что некоторые из такого рода правил прочно утвердились в системе кодифицированных норм этого языка и целесообразность их существования не вызывает сомнений.

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В ОПЫТАХ КОДИФИКАЦИИ НОРМ ЛИТЕРАТУРНОГО СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА ПЕРИОДА ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ

Л.Н.Смирнов

Институт славяноведения и балканистики РАН

1. Возникновение и начальное развитие словацкого литературного языка, базирующегося на основе народно-разговорной речи, является характерной чертой эпохи словацкого национального возрождения (конец ХУШ в. - середина ХІХ в.). Это было время смены общественно-экономического уклада, перехода от феодализма к капитализму, формирования словацкой нации, развития национальной идеологии и

культуры словаков. Существенные сдвиги в общественно-политической, историко-культурной и социолингвистической ситуации в Словакии оказали определяющее влияние на процесс формирования литературного словацкого языка, на становление и эволюцию его норм. Значительную роль в этом процессе играли видные деятели словацкого национального движения - кодификаторы литературно-языковых норм, которые вносили существенный вклад в отбор, обработку и закрепление в общественно-культурной практике относительно стабильных и унифицированных средств литературного словацкого языка.

2. В хронологических рамках данной эпохи были разработаны и осуществлены три основные кодификации литературных норм словацкого языка, связанные с именами А.Бернолака, Л.Штура, М.М.Годжи и М.Гатталы. В бернолаковской, штуровской и годжовско-гатталовской кодификациях можно проследить сложное переплетение и разное соотношение традиции и новаторства как в исходных принципах узаконения литературного языка, так и в предлагаемых кодификаторами системах норм и правил орфографии, орфоэпии, фонетики и грамматики, а также в нормализаторских установках, касающихся развития и обогащения словарного состава литературного словацкого языка.

3. Процесс постепенного "приближения" к единым нормам литературного словацкого языка на стадии его становления был сложным, непрямолинейным и порой противоречивым. Это ярко проявилось и в интересующем нас аспекте.

В указанных выше кодификациях отражалась та или иная степень близости к нормам чешского литературного языка, который с XV в. выступал и в качестве литературно-письменного языка словаков. Поэтому неудивительно, что у словацких кодификаторов, с одной стороны, наблюдаются попытки "оттолкнуться", оторваться от этих норм, а с другой стороны, проявляется стремление рассматривать их как своего рода образец или модель. Языковая реформа А.Бернолака, проведенная в конце ХУШ в., представляла собой целенаправленную попытку перейти в литературно-письменной

сфере с чешского языка на родной язык словаков. В кодификации Бернолака, узаконившей первый вариант литературных норм словацкого языка (бернолаковщину), несмотря на сознательный отказ от явных черт и признаков чешского литературного языка, сохраняется определенная связь с нормами этого языка и с чешской грамматической традицией. Кодификация Л.Штура, который вместе со своими соратниками ввел в середине XIX в. новый вариант литературных норм словацкого языка (штуровщину), в этом плане характеризуется более резким расхождением с нормами чешского литературного языка (хотя, например, в сфере лексики и терминологии их влияние сохраняется). В свою очередь языковая реформа М.М.Годжи - М.Гатталы, приведшая в 50-х годах XIX в. к "исправлению" и модификации системы норм, узаконенных Штуром, по некоторым параметрам означала отказ от радикализма Штура и знаменовала "вторичное" сближение с традиционными нормами чешского литературного языка.

Несомненный интерес представляет вопрос о соотношении традиционного и нового уже в рамках феномена "литературный словацкий язык". Бернолаковщина и штуровщина имели разные исходные диалектные основы: первая базировалась на западнословацком культурном интердиалекте, вторая - на среднесловацком культурном интердиалекте. Уже это определяло не только сходство, но и естественное различие конкретных норм и правил бернолаковской и штуровской кодификаций. Тем не менее можно говорить об известной преемственности штуровской кодификации по отношению к бернолаковской (например, если Бернолак отказался от бытовавшего тогда историко-этимологического принципа правописания и применил принцип фонетический, то у Штура этот принцип получил дальнейшее развитие). М.М.Годжа и М.Гаттала в принципиальном плане поддерживали языковую реформу Штура, но выступали против ряда предложенных им конкретных норм и предписаний (прежде всего в области орфографии и морфологии). В их кодификации представлено уже иное соотношение традиционных (чешских и

бернолаковских) и новых (среднесловацкого типа как у Штура) элементов. При этом следует иметь в виду, что в ряде случаев они предлагали компромиссные решения того или иного вопроса, исходя не из своих лингвистических воззрений, а стремясь достичь единства словаков в сфере литературного языка. Именно Гаттале принадлежит большая заслуга в кодификации единых общенациональных норм словацкого литературного языка, которые были утверждены в октябре 1851 г. в Братиславе на совещании штуровцов и бернолаковцов. Их система была описана в "Краткой словацкой грамматике" (1852), изданной анонимно, но принадлежащей перу Гатталы.

РАЗВИТИЕ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

В.В.Усачева

Институт славяноведения и балканистики РАН

В докладе рассматриваются некоторые моменты проявления просветительских идей в процессе кодификации словацкого языка, его активного вхождения в литературу, светскую и церковную.

Словацкие просветители (Й.И.Байза, Ю.Фандли, Ш.Лешка, А.Бернолак, П.Михалко, О.Плахи, С.Тешедик) ставили своей главной задачей просвещение широких народных масс, пробуждение в них национального самосознания. Им помогала значительная группа школьных учителей и преподавателей высших школ (Й.Бенцер, С.Фабри, С.Фухс, С.Жигмонди и др.). Члены нескольких появившихся в это время научных обществ в Малом Гонте, в Банской Быстрице также участвовали в деле просвещения и образования народа (О.Плахи, Й.Фейеш, М.Голко, Й.Лаурентци, Й.Розгони, М.Штейгель, Г.Шуллек и др.). В духе веяний эпохи Просвещения они боролись с главным своим идейным противником - предрассудками и суевериями. Для них суеверие - главный тиран и самый жестокий враг народа. Избавить человека от

духовного, материального и социального порабощения - главная идея этой эпохи. Специфическая социокультурная, религиозная и языковая ситуация, сложившаяся в Словакии в конце ХУШ - начале XIX в., определила особенности деятельности словацких просветителей. Острая религиозно-идеологическая борьба, расколовшая общество на протестантов и католиков, мешала формированию единой нации, пробуждению национального самосознания словаков. Это противостояние отразилось в двух противоположных взглядах на выбор единого языка, на котором могли бы развиваться просвещение, наука, культура. Сторонники введения чешского литературного языка в качестве письменного языка для словаков встречали сопротивление со стороны тех писателей и общественных деятелей, которые отстаивали самобытность своего народа и ратовали за создание самостоятельного словацкого литературного языка на основе одного из диалектов.

Ю.Фандли - первый профессиональный народный писатель, самый плодовитый из бернолаковского поколения, во всех своих произведениях выступал не только как просветитель, но и как будитель. Под влиянием идей эпохи Просвещения критиковал феодальное угнетение народа, старался улучшить его положение. В своих произведениях рассказывал о новых методах рационального ведения хозяйства (мелиорация, стойловое содержание скота), о новых сельскохозяйственных культурах и выгодах их возделывания (например, о картофеле, клевере, люцерне и т.п.). Литературная, общественная, просветительская деятельность Фандли были важной вехой в формировании словацкого литературного языка. Его деятельность проповедника (он был католическим священником, сборник его проповедей был издан), писателя способствовала проникновению просвещения в широкие народные массы. Он боролся за введение в школах обучения на словацком языке. Он был восторженным почитателем своего народа и его языка. Большинство его произведений посвящено вопросам здравоохранения и сельскохозяйственного просвещения.

Первое произведение Ю.Фандли "Dúverná zmlúva medzi mníchom a diáblom o prvých počátkách a o premenách reholníckých" (Бр., 1789), написанное на "бернолаковщине" (т.е. на словацком литературном языке, появившемся в результате языковой реформы, разработанной и осуществленной А.Бернолаком), имело огромное значение для дальнейшей судьбы этого нового кодифицированного языка. Фандли показал, что нормированный язык, созданный на основе живого разговорного языка, может постоянно пополняться ресурсами народного языка, этого неисчерпаемого источника, который обогащал словацкую культуру. Процесс становления литературного языка шел параллельно с национальным возрождением, шло постоянное взаимодействие этих двух процессов, активное воздействие будительских идей на формирование литературного языка. Литературный язык был многофункционален, выполнял не только просветительские, но и национально-будительские цели. Издание книг Ю. Фандли было весьма важной вехой в формировании словацкого литературного языка, а также для общекультурного развития словацкого общества.

Язык, созданный Бернолаком, отражал внутренний мир словацкого народа, отличного от других народов. Именно своеобразие каждого этноса диктует создание языка, выражающего специфические свойства "национальной личности" (термин Н.С.Трубецкого). Только такое самосознание (или самопознание), которое основано на глубоком понимании исторических процессов, жизни, культуры своего народа, может содействовать культурному и нравственному возрождению общества и народа.

Сознавая важность появления единого литературного языка, призванного стать орудием духовной культуры и развивать не только литературу (словесность), но и науку, общественно-политическую мысль, просветители использовали в своих трудах "бернолаковщину" и тем самым способствовали совершенствованию и развитию литературной нормы. Этот процесс шел за счет расширения тематики произведений, их жанрового разнообразия, обращения к

разным сферам науки и искусства. Практическое использование языка вело к стабилизации норм литературного языка, к увеличению словарного фонда, способствовало разработке терминологической системы.

КНИЖНАЯ ЛЕКСИКА В ЧЕШСКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ

Р.Х.Тугушева

Санкт-Петербургский государственный университет

В лексике каждого национального языка большую роль играют книжные слова, характерные преимущественно для письменной формы языка, являющейся наиболее престижной для каждого народа. Книжные слова составляют основу литературного языка, который у славян начинает складываться с возникновением письменности, благодаря которой у них появляется могущественное средство для выражения духовного, идеального, возвышенного мира, в отличие от материального, приземленного, бытового содержания жизни. Сферами преимущественного использования книжных слов являются религия, искусство и наука с доминирующим положением среди них, особенно на ранних этапах развития письменного языка, религии, под воздействием которой развивались с древнейшей поры и искусство, и наука.

Вербальная форма выражения у славян высокого смысла в процессе исторического развития проходит путь от иностранного языка до средств родного.

На заре развития славянской письменности высшее духовное начало в человеке выражалось иностранными языками: латинским, греческим и мало понятным старославянским, которые обслуживали почти исключительно только сферу культа. В дальнейшем процессе самостоятельного развития славянских языков наблюдается весьма специфическое формирование книжного стиля, с одной стороны, у восточных и южных славян (церковнославянский язык,

славянизмы) и, с другой, у западных (смысловые сдвиги; грамматика и синтаксис по латинским моделям).

Книжная лексика допускает сознательное вмешательство человека в процесс ее развития, в отличие от живого общеупотребительного языка, который развивается стихийно. В этом отношении развитие чешской и словацкой книжной лексики отмечено элементами как сходства, так и различия. Для обоих письменных языков древнего периода характерно сильное воздействие латыни, которая была их первым литературным языком, вследствие чего преобладающую часть книжной лексики современного чешского и словацкого языков составляют латинизмы, которые в этих языках, по сравнению с языками церковнославянской ориентации, имеют более длительную историю существования и, как следствие этого, более обильные и значительные наращения смысла. Период же национального возрождения чешского (начало XIX в.) и словацкого (середина XIX в.) языков ознаменован пополнением чешской книжной лексики за счет заимствований из русского и других славянских языков в противоположность словацкой книжной лексике, которая формировалась в этот период главным образом за счет близкородственного чешского языка.

К наиболее распространенным типам соответствий книжных слов в близкородственных чешском и словацком языках относится тип корреляции, когда одно и то же по форме и по первичной (часто даже и по вторичной) семантике слово в одном из сравниваемых языков выступает с книжной окраской, а в другом как стилистически нейтральное образование. Различия в стилистической маркированности книжной лексики в близкородственных языках связаны со всем комплексом особенностей употребления слова в текстах различного происхождения, жанра, направленности, стиля, сферы, предназначения на протяжении всей истории его существования в языке, а также с его функционированием в лексико-семантической системе определенного языка со специфическими синонимическими, парадигматическими и другими связями слова в рамках этой системы.

Литература

1. Толстой Н.И. Некоторые проблемы и задачи изучения истории славянских литературных языков // Историко-культурные и социологические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения (конец ХУШ - вторая половина XIX вв.). Тезисы докладов международной конференции. Ноябрь 1993 г. М., 1993.
2. Лилич Г.А. Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка. Л., 1982.

ХАРАКТЕР НОРМЫ СЕРБОЛУЖИЦКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В СВЯЗИ СО СПЕЦИФИКОЙ СЕРБОЛУЖИЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

М.И.Ермакова

Институт славяноведения и балканистики РАН

Своеобразие серболужицкой языковой ситуации по сравнению с языковой ситуацией, в которой развивались другие славянские языки, проявляется на всех стадиях формирования серболужицких письменных, а затем и литературных языков. Оно определялось особыми, не свойственными остальным славянским языкам, условиями функционирования серболужицкого языка - историческими, социально-экономическими, политическими и конфессиональными. Эти внеязыковые факторы оказали решающее воздействие на формирование на территории Лужицы двух литературных языков - верхне- и нижнелужицкого, а первоначально и двух вариантов верхнелужицкого литературного языка - протестантского и католического. Оба литературных языка были связаны с различными территориями Лужицы. Они развивались в условиях формирующегося двуязычия их носителей (серболужицко-немецкого), которое к началу XX в. стало массовым. С самого начала своего развития они не являлись единственным и обязательным средством коммуникации для серболужичан. При постоянном действии такого фактора как

германизация серболужицкого населения их социальный престиж был связан с политикой немецких властей в прусской и саксонской частях Лужицы, использованием этих языков в церковной жизни, народном образовании и т.д.

На первом этапе своего существования серболужицкие литературные языки применялись почти исключительно в области литературы, прессы и в небольшой степени в науке. Овладеть ими можно было лишь с помощью усвоения литературы. Как активное коммуникативное средство (при общей безграмотности населения) они использовались небольшим слоем серболужицкой интеллигенции. Для большинства серболужицкого населения средством коммуникации (наряду с немецким языком) являлся диалект.

В результате названных причин норма серболужицких литературных языков приобрела консервативный характер. Ее обособленность от диалектной нормы с 40-х гг. XIX в. усугубилась благодаря действию пуристических тенденций, стремлениям к реславянизации при значительной нестабильности и вариативности лексики и грамматических средств. Непонимание литературного языка отмечается даже в среде интеллигенции.

В связи с расширением сферы применения литературных языков (главным образом верхнелужицкого) в 70-х гг. XIX в. развиваются не только письменные, но и устные формы этих языков; норма приобретает большую стабильность на разных языковых уровнях, отмечается начало стилистической дифференциации языковых средств.

Насильственный перерыв в развитии серболужицкого языка в период фашизма способствовал ослаблению литературной традиции, социального престижа литературных языков.

В послевоенный период складывается сложная и противоречивая языковая ситуация, которая привела к нарушению компактности серболужицкого населения, а в ряде случаев и к исчезновению серболужицкого языка. При действующем факторе конкуренции серболужицкого языка с различными формами немецкого языка литературные языки являются

специальными и факультативными средствами общения. Не имея господствующей роли в процессе коммуникации, они не оказывают нивелирующего воздействия на другие языковые формы. Диалект остается наиболее распространенным средством коммуникации для большинства носителей серболужицкого языка.

Можно выделить несколько типов взаимоотношений между литературной нормой и диалектной нормой. При отсутствии таких взаимосвязей не может быть активного усвоения литературного языка носителями серболужицкого языка. Степень стабильности литературной нормы связана с характером воздействия на нее диалектной нормы.

Верхнелужицкая и нижнелужицкая литературные нормы имеют ряд существенных отличий с точки зрения инвариантности их средств, стабильности и динамичности, дифференциации, характера взаимодействия нормы и кодификации.

**О МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ
СЛОВАРНОГО СОСТАВА
СЕРБСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
(на материале абстрактной лексики)**

Г.Г.Тяпко

*Московский государственный институт
международных отношений*

1. Изучение динамических процессов в языке определенного периода - одна из актуальных задач современной лингвистики. Описание различных уровней языка как "системы в движении", как "системы и процесса одновременно" требует нахождения собственных методических решений, в зависимости от структурных особенностей исследуемого языка.

2. Цель доклада - на материале абстрактной лексики показать и мотивировать методические приемы исследования

динамики словарного состава сербского литературного языка первой половины XIX века, характеризовавшейся сменой двух типов народного языка - досифеевского и караджичевского образцов. Характеристика каждого из них. Материал исследования (абстрактные имена существительные) эксцерпирован из произведений трех выдающихся деятелей сербской культуры и языка, один из которых является его реформатором и кодификатором: В.С.Караджича, Дж.Даничича и Д.Обрадовича. Краткая характеристика источников эксцерпций.

3. При описании динамизма исследуемой лексической системы, относящейся к ретроспективному синхронному срезу, акцент падает прежде всего на ее номинативный аспект, подчиненный новым потребностям коммуникации сербского общества.

4. Методические приемы исследования динамики сербской абстрактной лексики первой половины XIX в.:

4.1. Классификация языкового материала *по структурно-генетическому принципу*:

а) производные *nomina abstracta* (далее NA) по словообразовательным типам (далее СТ), включая и гибриды, новоштокавского образца (народная речь);

б) все остальные образцы номинативных единиц с абстрактным значением (общеславянская лексика, сербская непроеводная лексика, заимствования из церковнославянского и русского языков, а также из других источников, кальки древнегреческого образца, многословные номинации).

Первая группа номинаций (а) показывает *что* в новом литературном языке на народно-речевой основе *было*, причем независимо от его разновидности, а вторая (б) - *каких* номинативных единиц в народном языке *не хватало*, и как, из каких источников они структурировались.

4.2. Работа с NA первой группы ("стандартные номинации").

Этот языковой материал рассматривается на общих основаниях, независимо от того, из произведений какого автора сделана выборка.

Выявляются продуктивные СТ-ы NA новоштокавского образца, а среди них - доминантный СТ. Таковым оказывается СТ с суф. -ост. Определение понятия "продуктивность СТ".

4.3. Работа с NA второй группы ("нестандартные номинации").

Этот языковой материал следует рассматривать "адресно", т.е. в связи с языковым наследием конкретного автора.

Очередность выбора автора также методически обусловлена. Она подчинена не возрастному принципу ("от старшего к младшему"), а от степени приближенности языка писателя к аутентичному народному языку. Исходя из этого начинать следует с творчества Караджича, языковое наследие которого было образцом нового литературного языка.

4.3.1. Обогащение интеллектуального словаря осуществлялось Караджичем избирательным "включением" СТ-ов NA (при неологизации). Ставка только на наиболее живые и типичные для народной речи СТ-ы NA. Активизация общеславянской лексики и сербских непроизводных NA.

4.3.2. В языковом наследии Д.Обрадовича "не вписывались" в фонд народной лексики а) NA actionis на -еније, -аније от глаголов совершенного вида и композитные NA на -ије. Применение метода *классемного анализа* ко второй группе NA (6) выявило известный динамизм одного из разрядов композитов на -ије. Речь идет об адъективно-субстантивных композитах типа *остроумије, високоумије*. Примечательно, что только репрезентанты этого разряда "нестандартных номинаций" из языкового наследия Д.Обрадовича в сербизированном виде вошли в современный литературный язык.

4.3.3. Дефицитный фонд номинативных единиц в новом сербском литературном языке своеобразно восполнял Дж.Даничич. Сам этот фонд был выявлен нами в результате сравнения одного и того же текста, сопоставляемого в оригинале и переводе. (Речь идет о тексте магистерской диссертации А.Майкова "История сербского народа" в переводе Дж.Даничича). Типичным средством передачи

семантики дефицитных в народном языке специализированных русских НА были в сербском переводе придаточные предложения. Применением метода *сопоставительного синтаксического анализа* к русским НА позволяло выделить взаимозависимость между ролевой позицией русского абстрактного имени существительного и типом сербского придаточного предложения. Как выяснилось, ролевые позиции русских НА, влиявшие на выбор сербского аналога, были исключительно разнообразны. Спектр их значений (14) Даничић передавал столь же разнообразным спектром сербских придаточных предложений. Эти многочисленные придаточные предложения в сочетании со своим опорным словом и были в исследуемый период типичным средством сербской номинации (в духе народной речи).

5. Комбинированная методика позволила определить факторы динамизма в сербской лексике первой половины XIX в.:

а) нарастание образования лексических единиц по одному доминантному СТ-у НА (на -ост) с расширением круга производящих основ;

б) структурирование новых образцов номинативных единиц в духе народной речи (мультивербы);

в) активизация общеславянской лексики и собственносербских *непроизводных* НА в номинативной функции;

г) саморазвитие на сербской почве отдельных заимствованных продуктивных СТ-ов НА - адъективно-субстантивных композитов на -ије, транспонированных из близкородственных славянских языков (церковнославянского и русского);

д) Исключительно важен и фактор времени. При этом мы имеем в виду не только - короткий он или продолжительный, но также и какой именно временной промежуток в истории данного литературного языка исследуется (революционный или эволюционный).

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

А.Г.Широкова

*Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова*

1. Сложность структуры современного чешского языка определяется его необычайной функциональной широтой и неоднородностью форм его существования (литературный язык со всеми функциональными стилями, обиходно-разговорный язык, диалекты и интердиалекты), а также тем, что его развитие характеризовалось и характеризуется взаимодействием и противоборством различных тенденций.

2. Существенной особенностью эволюции языков является неравномерность развития их отдельных языковых уровней. Интенсивность их развития в истории чешского языка была различной: к концу XVI в. были проведены почти все фонетические и морфологические изменения. Синтаксис и лексика на протяжении всей истории развития чешского языка подвергались значительным изменениям, в том числе латинизации, демократизации, германизации, "славянизации" в связи с действием различных общественно-политических факторов.

3. Одной из основных тенденций развития чешского литературного языка является его тесное взаимодействие с обиходно-разговорным языком (особенно в XIX-XX вв.); что привело к проникновению в литературный язык множества обиходно-разговорных элементов различных языковых уровней. Следствием этого явилась значительная демократизация литературного языка. Его влияние на обиходно-разговорный язык проявляется в поддержке вариантов, совпадающих с литературными средствами. Активное взаимовлияние литературного и обиходно-разговорного чешского языка обусловило развитие более частной тенденции к *унификации* грамматических форм, получившей широкое

развитие в морфологии глагола, имени, личных местоимений и других частей речи.

4. Интенсивное развитие науки и техники, рост профессионализма во всех областях человеческой деятельности увеличило число активных носителей литературного языка способствовало развитию тенденции к его *интеллектуализации*, отражающей стремление языка выразить потребности абстрактного и сложного мышления. Эта тенденция обуславливает терминологизацию и специализацию литературного языка, развитие тенденции к дифференциации языковых средств, что характерно прежде всего для лексического и синтаксического уровней.

5. С интеллектуализацией и дифференциацией литературного языка связано также развитие тенденции к его *интернационализации*, осуществляемой главным образом на лексическом уровне. При этом проникновение в чешский язык иностранной лексики оценивается не с позиций "исторической чистоты", а с точки зрения функциональной целесообразности. Тенденция к интернационализации нередко противоборствует тенденции к национализации, особенно в сфере терминологической (ср., например, параллелизм наименований в спортивной терминологии и в других областях).

6. В современном разговорном чешском языке весьма активной является тенденция к экономии языковых средств - универбизация многословных наименований - и противоборствующая ей тенденция литературного языка к мультивербизации.

СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСТНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КАК ДИНАМИЗИРУЮЩЕГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ ЧЕШСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ XIX-XX ВЕКОВ

Г.П.Нещименко

Институт славяноведения и балканистики РАН

1. Феномен устного литературного языка (далее УЛЯ), несмотря на свою значимость в общественной коммуникации, обычно не является предметом специального изучения.

2. Сказанное обусловлено рядом причин: а) затруднительностью описания нормы УЛЯ, особенно при диахроническом изучении (отсутствие фиксации нормы не может быть компенсировано косвенной аргументацией); б) упрощенным представлением об УЛЯ как об озвученной форме письменного литературного языка (далее ПЛЯ) (ср. чтение "вслух" ранне-письменных литературных чешских текстов в XIX в. в силу неграмотности аудитории); в) предпочтительным вниманием исследователей к так называемому разговорному литературному языку в ущерб УЛЯ.

3. По своему статусу УЛЯ - особая разновидность литературного языка (далее ЛЯ), противопоставленная ПЛЯ. Отличие между ними не ограничивается лишь способом воспроизведения текста, оно затрагивает их системно-функциональные особенности.

4. Предпосылки формирования УЛЯ: А. Внутриязыковые: а) стабильность нормы ПЛЯ; б) полифункциональность ПЛЯ, развернутость его функционального спектра, подготовленность для полноценного обеспечения высших коммуникативных функций. Б. Социокоммуникативные: а) наличие достаточно широкого круга носителей ЛЯ, способных порождать корректный с точки зрения языковой нормы текст; б) формирование более или менее широкого круга пользователей языка как активных, так и пассивных; в) наличие социальной потребности в УЛЯ как средстве, обслуживающем официальное, публичное общение. Последнее предопределено формированием кадров национальной чехоязычной

интеллигенции, особенно в сфере образования, использующей этнический язык не только как предмет изучения, но и как средство обучения. Важную роль играет активизация общественной жизни, особенно городской, связанной с появлением сети общественных организаций, специализированных обществ, кружков по интересам, бесед. Иными словами, возникает среда устного общения на родном языке, с зачатками общезтнической коммуникации.

5. В чешском этносе реальные предпосылки становления УЛЯ сформировались к середине XIX в. В XX в. благодаря НТР и, в частности, появлению новых средств трансляции культуры УЛЯ впервые приобрел статус идиома общезтнической значимости.

6. Роль оппозиций "диалогическая - монологическая речь" (дифференциация по типу строения текста), "устная - письменная речь" (дифференциация по способу реализации текста) в членении этнического языка и становлении УЛЯ. Первая оппозиция противопоставляет ЛЯ всем остальным экзистенциональным формам. На основе второй оппозиции вычленяется ПЛЯ (его предшественником был гипотетический устный культурный язык). С середины XIX в. данная оппозиция проявилась в рамках одного и того же идиома - ЛЯ.

7. Динамизирующее воздействие УЛЯ на развитие литературной нормы: повышение статуса УЛЯ в XX в. усилило его влияние на норму официальной публичной коммуникации; ср. нормотворческую роль РВ и ТВ, т.е. наметилась смена принципов языковой эстетики (снижение значимости языка художественной литературы как нормотворческого фактора). Характер репродукции текста (устное воспроизведение) не мог не повлечь за собой изменение субстанциональных признаков как УЛЯ, так и ЛЯ как такового.

8. Возрастание общественной ангажированности населения, появление новых форм вещания ("живой эфир", обратная связь с адресатом коммуникации), количественное и качественное изменение состава пользователей ЛЯ усиливает конкуренцию и субституцию УЛЯ и разговорных идиомов (в XIX в. в качестве таких конкурентов выступали озвученный

ПЛЯ либо неродной язык, т.е. язык господствующего этноса или же общепринятой культурной традиции). Это приводит к размыванию границ между идиомами, к ослаблению социальной дифференциации языковых средств в пользу генерационной.

**К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
АКТИВНОСТИ СУБСТАНТИВОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ
"ЛИЦА" В ЧЕШСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ
НАЧАЛА XIX ВЕКА - СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА**

Ю.Е.Стемковская

Институт славяноведения и балканистики РАН

В докладе рассматриваются особенности словообразовательной активности имен существительных со значением "лица" в чешском литературном языке начала XIX в. - середины XX в. Предполагается ответить на вопрос, какие языковые и, возможно, неязыковые причины определяют семантическую и лексическо-семантическую емкость словообразовательных структур (далее СС), мотивированных именами со значением "лица", а также регулярность воспроизводства типовых СС в различные исторические периоды развития чешского литературного языка. В связи с этим обсуждаются следующие частные вопросы:

1. Какие лексико-семантические классификации понятийного поля "человек" выстраиваются для чешского языка начала XIX в. и середины XX в., их сходства и различия; изменяется ли словообразовательная активность лексем, входящих в различные классы названного понятийного поля, внутри данного синхронного среза и в диахроническом плане. Каковы понятийные ограничения словообразовательной активности имен существительных со значением "лица".

2. Возможно ли построить типовые словообразовательные схемы для лексем отдельных лексико-семантических классов; каково их семантическое и лексико-грамматическое наполнение, регулярность воспроизводства в различных

синхронных срезах и соотносительность на диахроническом уровне.

3. Имеются ли другие внутриязыковые ограничения развития и регулярной воспроизводимости СС для лексем данного понятийного поля (происхождение мотивирующего слова - исконное/иностранное, его нейтральность/экспрессивность, наличие конкурирующих лексических или словообразовательных синонимов и др.), их значимость для различных временных срезов.

4. Какова максимальная семантическая и лексико-грамматическая емкость СС, образованных от имен существительных со значением "лица", в чешском литературном языке начала XIX в. и середины XX в.; какие элементы данных структур были утрачены или, напротив, приобретены в XX в. по сравнению с XIX в.; каков инвентарь словообразовательных формантов, используемых для формирования данных СС, его диахронические изменения.

5. Какие элементы понятийного поля "человек" в связи с языковым критерием словообразовательной активности субстантивов со значением "лица" являются наиболее актуальными для миропонимания чешской нации начала XIX в. и середины XX в.

СЕРБСКОЕ ФОНЕТИЧЕСКОЕ ПРАВОПИСАНИЕ ПОД ПРЕССОМ МОРФОУНИФИЦИРУЮЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ

В.П.Гудков

*Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова*

Формирование современного литературного языка у сербов, близкого к естественной речи большинства населения, сопровождалось преобразованием и нормированием системы графики и орфографии. В графике был реализован принцип однозначно-симметричного соответствия единиц буквенных и фонетических. Правописание, в свою очередь, было подчи-

нено фонетическому началу, т.е. в записи словоформ принято фиксировать чередования согласных и гласных.

В орфографической практике нового литературного языка установился, однако, начиная с текстов Вука Караджича, ряд отступлений от последовательного "фонетизма" с принятием стабильно единообразного буквенного оформления некоторых морфем безотносительно к их реальному произношению (чтению), т.е. были сделаны уступки в пользу морфологического принципа правописания. Эти решения (написание *д* перед *с* или *ш* на стыке морфем, требование писать *ј* на стыке корня и суффикса независимо от фонетической реальности) были закреплены правилами официального орфографического кодекса 1960 г.

Помимо этих узаконенных орфографическим канонам отступлений в обиходе письма и печати появилось и утвердилось немало иных написаний, не подчиняющихся режиму фонетического правописания. Разнородные и разнотипные, они представляют довольно многочисленную совокупность, и, что весьма существенно, их количество постоянно возрастает.

Появление и закрепление морфоунифицированных не согласованных с произносительной реальностью написаний обуславливается, во-первых, стремлением пишущих устранять омонимию словоформ (ср. прилагательные *костни* и *косни* от *кост* и *коса*, *прстни* и *прсни* от *прст* и *прса*); во-вторых, стремлением сохранить целостность, "полновесность" морфем (корней и приставок), что весьма важно для облегчения восприятия и понимания слов новых и малочастотных (ср. прилагательные от *каста*, *карст*, *текст*, приставочные лексемы *подтекст*, *одтуговати*, *постдипломски*, *субпериодизација*, *адхезија* и т. п.); в-третьих, влиянием исконного оформления заимствованных или заимствуемых слов (русс. *чистка*, *апаратчик*, *рабфак*, немецк. *фишбајн*, *фишгрет*, а также *јурисдикција*, *Тбилиси* и т. п.).

Исторический опыт других языков и их орфографических систем показывает, что последовательный "фонетизм" (свойственный, например, старославянским текстам) подтачивается

и подвергается эрозии в результате свершающихся фонетических процессов и под воздействием некоторых других объективных факторов. Полуторавековая история современного литературного языка у сербов содержит многочисленные и яркие подтверждения этой закономерности.

ДИНАМИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ БИБЛЕИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ТЕКСТЕ

(на материале русского и других славянских языков)

В.М.Мокненко

Санкт-Петербургский государственный университет

1. Популярность Библии и обращение к библейским текстам широкой читающей публики несомненно повысили и активность в художественных и публицистических текстах библеизмов, т.е. слов, устойчивых словосочетаний и афоризмов, возникающих на основе Библии или библейского сюжета. Нельзя, однако, как кажется, чрезмерно преувеличивать такую активизацию, как уже начинают делать некоторые авторы, приступающие к исследованию библеизмов в современном русском языке. Резкое противопоставление доперестроечной и постперестроечной ситуации кажется неправомерным. Хотя отношение к религии и Библии совсем недавно еще и было жестким и запретительным, фразеология и - шире - "крылатика", несмотря на несомненную зависимость от политических катаклизмов, тем не менее сохраняла довольно большую эстетическую автономность и мобильность. Сохраняла благодаря своим внутренним закономерностям, препятствующим автоматическому переключению регистров при очередной смене вех. Фразеологические единицы кумулятивны в высшей степени и потому сохранялись в русском и других славянских языках довольно активно несмотря на "указания сверху" и гонения на веру и верующих.

2. Оценивая ситуацию в целом, можно утверждать, что функционирование библейских по происхождению слов и оборотов в русских текстах с прошлого века до 80-х годов

века нынешнего апокалиптической прерывности все-таки не испытало. Прерывной оказалась их историко-этимологическая интерпретация, поскольку многие, кто их употреблял - даже писатели и публицисты - далеко не всегда точно идентифицировали источник таких слов и оборотов.

3. Предварительный анализ большого массива употреблений библеизмов в художественных и публицистических текстах, обрабатываемый сейчас коллективом составителей словаря "Библеизмы в русском языке" (Е.Н.Бетехтина, П.А.Дмитриев, Г.А.Лилич, О.И.Трофимкина и др.) показывает, что в принципе их употребление подчиняется тем же стилистическим законам, что и употребление фразеологизмов другого происхождения. Этот предварительный вывод сложился и при работе над "Словарем индивидуально-авторских употреблений ФЕ в современном русском языке" (А.М.Мелерович, В.М.Мокиенко).

4. При сопоставлении ФЕ, восходящих к Библии, с ФЕ иного происхождения выявляется, что типология их контекстного употребления гораздо более зависима от структуры и семантики оборота (т.е. чисто языковых параметров), чем от характера их источника (параметра в основном экстралингвистического). Чем развернутее, членимее структура и образнее, коннотативнее семантика отдельных компонентов, тем шире ассортимент трансформаций и способов обыгрывания фразеологизма в тексте. Эта закономерность, характерная для фразеологии вообще, в оборотах библейского происхождения, быть может, действует более активно, ибо многие библеизмы достаточно прозрачны по внутренней форме и воспринимаются (благодаря эффекту "цитатности") как формально законченные блоки.

5. Динамичность фразеологических библеизмов в тексте в немалой степени стимулируется и их адаптационной мобильностью, обусловленной многовековыми шлифовками при переводе на конкретный язык. В этом отношении характерно, что общий набор их трансформ *типологически* укладывается в 4 типа межъязыковых расхождений, отмеченных в докладе на XI-м Международном съезде

славистов в Братиславе (Лилич, Мокиенко, Степанова 1993, 54-58): 1) фонетические и словообразовательные расхождения; 2) расхождения в составе разных языков; 3) различия в семантическом объеме тождественных библеизмов; 4) расхождения, возникшие в ходе дальнейшей эволюции тождественных для сопоставляемых языков библеизмов.

6. Таким образом, можно утверждать, что революции в сфере употребления библеизмов в русском и других славянских языках с перестройкой и постперестройкой все-таки не произошло. Лингвистический их анализ приводит к достаточно определенному выводу. И межъязыковые сопоставления, и историко-этимологические экскурсы, и наблюдения за современными мутациями библеизмов в тексте обнаруживают функциональный аналогизм соответствующих их ипостасей и дают возможность проследить динамику этого древнего культурного - а потому и интернационального - пласта в разных языковых системах.

КЛИШЕ И ШТАМПЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Т.М.Николаева, И.А.Седакова

Институт славяноведения и балканистики РАН

Анализ клише в докладе связывается нами прежде всего с системой социально ориентированных ситуаций и с социальной стратификацией русского советского и постсоветского общества. К клише и штампам мы относим перцептивно маркированные компоненты высказывания, которые воспринимаются как инкрустация, как вставка чужого текста, не относящегося к свободно порождаемой речи. Таким образом, клишированными в нашем понимании являются и "старые", и новые фразеологизмы (*бить баклуши; до лампочки*), советизмы (*закрома Родины*), сленгизмы (*корка*), крылатые фразы (*Счастливые часов не наблюдают*) и многое другое. Формально клише может представлять собой одно слово, словосочетание или даже развернутую ци-

тату (любого происхождения - афоризм, пословицу, лозунг, призыв из прошлых лет, вербальный компонент рекламы и т.д.).

За каждым языковым штампом стоит целый комплекс коннотаций, актуализирующихся в зависимости от интенции говорящего, типа коммуникации, адресата речи и т. д. Необходимо отметить исключительное многообразие функций клише в речи и их диаметрально противоположные стилистические возможности: например, непреднамеренное, автоматическое употребление присловья (слова-паразита, ругательства и др.) и сознательный политический или риторический прием включения в речь цитаты (ср. огромное количество клише в заголовках сегодняшней прессы и в речи журналистов и политических деятелей и др.). Клише в коммуникации может использоваться как средство защиты или, наоборот, нападения (обвинение, форма социального протеста), как знак вхождения говорящего в "свой" социум или наоборот его отчужденности и т. д.

Естественно, что включение в речь клише и обыгрывание разного рода цитат и аллюзий - это диахроническая универсалия. Однако каждый этап развития языка, имеет свои особенности в использовании речевых стереотипов, не говоря уже о том, что новое время и новые люди создают новые клише (в том числе авторские: *помыть сапоги в Индийском океане* - В.Жириновский). При анализе функций клише в русском языке посттоталитарной эпохи необходимо учитывать тот факт, что за последние годы значительно изменился языковой узус. Естественное стремление изжить советскую картину мира и изменить отражающий ее язык вылилось в несколько тенденций, имеющих разную направленность (обращение к западным штампам и одновременно возврат к идиомам дореволюционной России и т.д.). Важную роль здесь играет и то, что отказ от официального советского языка (*langue de bois*) обусловило большую фривольность стиля массовых средств информации, что, безусловно, оказывает сильное речевое воздействие, особенно на молодежь, не испытавшую на себе длительного процесса

идеологической обработки. Кроме того, в посттоталитарное время сложились новые стереотипные речевые ситуации (в частности, с введением новых рыночных реалий, хождением валюты "ближнего и дальнего зарубежья") и даже идеолекты (например, "челноков" и многочисленных уличных торговцев).

Клише - это не пласты перечислимых сочетаний, а многоярусная и сложноорганизованная система, разнообразные функции которой, как мы постараемся показать далее, могут быть все же эксплицированы. Разобраться в употреблении и функционировании клише и штампов в речевом узусе можно, лишь развернув все члены семиотической оппозиции СВОЙ-ЧУЖОЙ. Характеристика использования клише с точки зрения говорящего (а не реципиента, поскольку это отдельная тема и предполагает изучение функций клише и штампов в диалоге) дает нам следующие возможности: СВОЕ ДЛЯ СВОЕГО; СВОЕ ДЛЯ ЧУЖОГО; ЧУЖОЕ ДЛЯ СВОЕГО; ЧУЖОЕ ДЛЯ ЧУЖОГО. Весьма вероятно, что дальнейшее изложение материала в свете указанной квалификации клише в речи будет в ряде случаев оспариваться. Кроме того, безусловно, мы накладываем дискретную сетку описания на континуум языкового материала, по существу недискретный.

1. СВОЕ ДЛЯ СВОЕГО. Речевое общение подростков с включением сленгизмов и цитат, коммуникации коллег или родственников (если они направлены на достижение взаимопонимания) можно рассматривать именно как утверждение принадлежности к "своей" социальной, поло-возрастной или иной группе. "Свои" клише могут подхватываться и развиваться собеседниками. Этот прием часто используется радиои тележурналистами в беседах с гостями студии, например: Психолог: *"Ведь у нас как считают - "Курица не птица"...* Журналист: *"Женщина не человек"*.

К этой же группе мы относим многие клише-комментарии, произнесенные "для себя" как мысли вслух, не предназначенные для широкой публики. В наши дни значительную часть подобных реплик произносят в момент возмущения (преимущественно быстро растущими ценами) или удивления:

С ума сойти! Обалдеть можно! Ни фиги себе! (Выбор конкретного клише обусловлен возрастом, интеллигентностью, полом и т.д. говорящего).

2. СВОЕ ДЛЯ ЧУЖОГО. Этот тип узуса клишированных речений функционально разнообразен и активно пополняется в наши дни. В советское время официальные публичные (как устные, так и печатные) тексты целиком состояли из клише и были содержательно неинформативными. Стилистика этого языка (в частности, использование штампов) была использована в Заявлении ГКЧП в августе 1991 года и сразу же воспринята как "чужая" и "чуждая", ср. также мгновенное распознавание новейших демагогических штампов (*корректировка курса* и др.), что, хочется верить, свидетельствует о невозможности использования подобных речевых ситуаций в будущем. Однако привычная политизированность, стремление "импринтировать" свои клише в сознание реципиента, вписывается в более широкую систему социального "воспитания", которое широко распространено в российской системе обслуживания, сохранившееся и в наше время (ср. штампы вроде *вас много, а я одна; у вас что, глаз нет; там все написано* и т.д.). Посттоталитарное время должно было ввести новые глубинные установки, однако тенденция нахамить как пережиток советского менталитета осталась и появились новые клише-маскировка под заботу о финансовом состоянии клиента (обычно при обращении к пожилым и скромно одетым людям): *А вы знаете, почему это?; А вы цену видели?* и т.д.

Подобной же установкой "своего на чужое" является эпатирующая манера молодых обращаться к людям иного статуса с высказываниями, неполное понимание которых неминуемо должно ставить реципиента в тупик. Ср., например, вызвавший гнев учительницы ответ шестиклассника на вопрос, придут ли его родители на собрание - *"А я щас с бабками тусуюсь"* (т.е. родители в командировке, он остался с бабушками).

3. ЧУЖОЕ ДЛЯ СВОЕГО. Эта семиотическая характеристика реализуется во множестве коммуникативных

ситуаций, связанных как с отсутствием речевой культуры (вкрапления не-своей стилистики у носителей просторечия, неверный контекст для фразеологизма и мн. др.), так и с языковой игрой или с речевой маской. Советизмы (в докладе они исследуются очень подробно) могут присутствовать в беседах журналистов на традиционные "советские" темы, например, в репортаже об Олимпиаде, где вводные слова создают эффект раскрытия диглоссии: *Как говорили во времена Л.И.Брежнева, "Олимпийский год не только для олимпийцев"*; *Как говорили раньше: "Триумф советского спорта"*. В рамках этой оппозиции анализируются такие явления, как цитирование реклам и создание новых анекдотов на их основе, использование банковских, компьютерных и иных терминов и клише в речи детей и подростков и др.

4. ЧУЖОЕ ДЛЯ ЧУЖИХ. Легко предположить, что подобный тип клише практически маловероятен и даже чем-то опасен: вставление ИХ выражений для НИХ (словесная мимикрия) может (могло) быть воспринято как насмешка; вставление же официальных штампов в официальные тексты не является цитированием "чужого".

В заключение отметим, что в зависимости от объекта коммуникации, от просодических характеристик, даже от мимики говорящего и т. д. одно и то же клише может переходить из "чужого" поля в "свое" и наоборот. Интересный пример с этой точки зрения представляет собой речь "Элочки-людоедки" из романа И.Ильфа и Е.Петрова "12 стульев": ее обращение к мужу находится в рамках ситуации "свое для чужого", а диалог с Остапом Бендером трансформируется в "свое для своего". Ср. также использование идеологических клише членами РКП и прочтение этих штампов другими политическими деятелями и мн. др.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СНИЖЕНИЕ И ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Л.И.Скворцов

Литературный Институт им. А.М.Горького, Москва

1. Социальные сдвиги, связанные с условиями переходного периода, изменением общественно-политического строя, сменой форм собственности и состава активных участников коммуникации, приводит к известному "расшатыванию" традиционных норм. Это выражается в росте вариативных (ненормативных) элементов, в том числе в новых иноязычных заимствованиях и терминах, а также в определенном стилистическом снижении письменной формы современного русского языка и в заметной вульгаризации обиходно-разговорной речи.

2. Такого рода процессы носят общеязыковой характер, они широко известны по другим языкам, а в истории русского литературного языка связаны с эпохой петровских преобразований (XVIII в.), а также с первыми десятилетиями после Октября 1917 года. В 20-е годы XX в. для обозначения речевой вульгаризации существовал специальный термин - "заезжательство" (см. работы Е.Поливанова, А.Селищева, Г.Винокура и др.). К собственно социальным факторам последующих десятилетий относятся, в частности, такие, как сравнительная открытость лагерного языка и быта (в силу массовости репрессий), в дальнейшем - появление разного рода литературных произведений (мемуарных и художественных) из жизни ГУЛАГа, экономическая разруха последних лет, рост организованной и массовой преступности (в том числе детской и подростковой), снятие цензуры и запретов на такие сферы общественного бытия, как проституция, наркомания, гомосексуализм и др.

3. Вульгаризация и жаргонизация коснулась не только обиходно-разговорной речи. Рефлексы ее можно найти в политическом лексиконе (устная парламентская речь), в языке современной публицистики (газеты и журналы, радио-

и телепередачи в жанре "круглых столов", бесед и интервью, прямого эфира, журналистского канала, авторских программ и т.п.).

4. В языке художественной литературы установка на обценную (ругательную, матерную) лексику может быть связана с задачами реалистического изображения военного или тюремно-лагерного быта, жизни эмигрантов "третьей волны", а также с попытками нарочитой поэтизации обценной (инвективной) или арготической лексики и фразеологии.

5. Необходимо, на наш взгляд, критически оценить устоявшееся в публицистике последних лет мнение о том, что современное использование вульгаризмов и матерной (обценной) лексики явилось реакцией на сглаженность и штампованность официального языка советской эпохи, общую его интернационализацию и лозунговость и т.п.

6. Крайности в оценках современной обценной (вульгарной и матерной) лексики, попытки ее безусловного оправдания требуют научно-объективной квалификации явлений огрубления речи с различных позиций и подходов: нормативно-лексикографических, национально-психологических, художественно-эстетических, нравственно-педагогических, лингвостилистических и лингвоэкологических.

7. В лингвоэкологическом аспекте культура речи (и шире - культура языка) должна быть осмыслена как поддержание здоровой "речевой среды существования", освобождение коммуникативной сферы от разного рода ошибок и неточностей, от всего, что засоряет, огрубляет, стилистически снижает или нивелирует нашу речь, мешает общению, уменьшает духовное пространство жизни языка и его носителей.

НОВЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИМЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т.Н.Молошная

Институт славяноведения и балканистики РАН

За последние более чем полвека в русском литературном языке закрепились особые именные сочетания, параллельные английским типа *stone wall* "каменная стена" и немецким типа *Steinpflaster* "каменная мостовая". Их появление и проникновение из речи в язык давно фиксировалось лингвистами. При этом одни авторы говорили о сложных словах, другие - о мнимых сложных словах, третьи считали эти образования сочетаниями существительных с "аналитическими" прилагательными.

В последние годы, когда значительно уменьшилась политическая, экономическая и культурная изоляция нашей страны, когда в нашу жизнь вошли из-за рубежа новые понятия и соответствующие наименования, такого рода именные сочетания слов получили очень широкое распространение и в устной речи городского населения, и особенно в газетных и разного рода научных и публицистических изданиях.

Обычно обсуждаемые образования оказываются по происхождению заимствованными или калькированными научно-техническими терминами и номенклатурными названиями (*вакуум-насос, альфа-распад, бизнес-план, блиц-турнир* и пр.); из области профессиональной они попадают в бытовую речь, а затем некоторые из них входят в литературный язык. Так, например, в "Словарь русского языка" в четырех томах под редакцией А.П.Евгениевой (М., 1981) включены сочетания *дизель-мотор, дизель-электростанция, дизель-поезд, дизель-электроход; пресс-атташе, пресс-бюро, пресс-конференция, пресс-служба, пресс-центр.*

Первая особенность новых для русского языка образований подобного типа - их "иностранность": либо одна, либо обе части являются заимствованиями (*холдинг-центр,*

мини-юбка и *секс-шоу, бизнес-тур*). Однако эта именная модель притягивает все большее количество русских слов (*Лада-банк, Григорович-балет, Вятка-автомат, коми писатель*). Она чрезвычайно продуктивна, М.В.Панов эмоционально назвал ее дьявольски продуктивной.

Вторая важная особенность состоит в том, что первые компоненты рассматриваемых образований, хотя и не склоняются, но являются скорее словами, чем основами слов (*гамма-излучение, Вятка-автомат, Колыма-банк* имеют в качестве соответствий цельнооформленные слова *гамма, Вятка, Колыма*). Можно предположить, что первые компоненты приравниваются носителями современного русского языка к несклоняемым иностранным (английским) словам. В таком случае образование в целом смыкается с именными сочетаниями слов. В то же время существует некоторая группа именных образований, в которой первая часть, например, *пресс-* должна, очевидно, рассматриваться как основа заимствованного существительного *пресса* (*пресс-бюллетень, пресс-бюро, пресс-служба, пресс-секретарь* и т.д.). Здесь представляется более обоснованным говорить о сложных словах.

Третья несомненная особенность рассматриваемых образований состоит в том, что первый компонент всегда выражает признак второго (*телеграф-язык = язык телеграфа* или *телеграфный язык; пресс-атташе = атташе по прессе; Кубань-банк = банк Кубани; Григорович-балет = балет Григоровича* или *балет, поставленный Григоровичем*). В этом смысле можно согласиться с М.В.Пановым, назвавшим первые части таких сложных образований аналитическими прилагательными.

Все это напоминает структуру английских образований типа *stone wall*, относительно которых А.И.Смирницкий писал, что не следует производить полного безоговорочного смешения этих образований ни с явными "классическими" атрибутивными сочетаниями существительного с прилагательным (*деловой центр*), ни со столь же несомненными сложными словами (*плащ-палатка*). Рассматриваемые

образования в современном русском языке, так же как в английском, оказываются в состоянии неустойчивого равновесия: они колеблются между словосочетаниями с "аналитическими" прилагательными и сложными словами с основами существительных в качестве первых компонентов. Их можно назвать нестойкими сложными словами, легко осмысляемыми как словосочетания, в связи с тем, что основы существительных (чаще всего иностранного происхождения), выступающие первыми компонентами, могут восприниматься как прилагательные (по аналогии с английским): *Кубань-банк* - как *London bank*.

Возникновение подобных именных сложений является одной из новых аналитических тенденций в развитии современного русского языка.

О СОСТОЯНИИ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Л.М.Хоменко

Институт украинского языка АН Украины

Языковая норма утверждается в борьбе двух противоречивых тенденций к устойчивости и изменению, и в то же время эта борьба является формой ее существования. Это положение подтверждается и экспериментальными исследованиями произносительной нормы современного украинского литературного языка.

В литературном произношении носителей украинского языка наблюдается, с одной стороны, приверженность орфоэпической традиции, с другой - существует попытка реализовать, унормировать "потенциальный" фонд (Скворцов), который, однако, был в свое время активным (20-е - начало 30-х годов XX в.), конкурировал с другими вариантами, но в силу лингвистических и (в большей мере) экстралингвистических факторов кодифицированным не стал.

В частности, это касается передачи с помощью фонетических средств украинского языка заимствований (*Хельсінкі - Гельсінкі, баланс - бальянс, соціальний - соціальный*). Эти параллелизмы лежат на поверхности, находятся в поле сознания и могут "осмысленно" избираться. Сюда же следует отнести расширение употребления взрывной заднеязычной фонемы /g/ в словах, где сегодня в результате изъятия из украинского алфавита буквы г` используется фрикативный фарингальный /h/ (произносительные варианты первого типа).

Существование же произносительных вариантов второго типа в большой мере обусловлено лингвистическими факторами. Наиболее яркими среди них являются следующие:

1) Тенденция к оглушению звонких согласных в позиции абсолютного конца слова и перед глухими согласными (современная украинская орфоэпия разрешает параллельное произношение звонкого и глухого согласного перед последующим глухим в приставках на з- (*безкінечний* [без/с]), нормативным является оглушение /h/ в словах *легко, нігті, кігті, дьогтю*).

2) Широко представлено произношение звонких аффрикат /ʒ/ и /ж/ как звукосочетаний /дж/ и /дз/ (*джміль, дзеркало*), т.е. как на стыке приставки и корня (*підземний, віджилий*). Такое произношение отмечается аудиторами как ненормативное.

3) Смягчение аффрикаты /ч/ и звукосочетания /шч/ (*часто, щастя*). Интересно, что допускается определенная степень смягчения этих звуков, после чего палатализация воспринимается аудиторами как резкое, недопустимое нарушение украинского литературного произношения. Возможно, в психолингвистическом сознании носителей языка существует "исходный" и "граничный" варианты (Цукерман), переход через которые воспринимается как нарушение нормы, поскольку не происходит идентификации фонемы.

4) Существование параллельных вариантов (твердых или смягченных и мягких) переднеязычных согласных перед /i/

из давнего /о/ и /ы~~к~~/: *ніс* (носа) как /н'іс/ и как /ніс/.

5) Расширение употребительности заднеязычного фрикативного звонкого аллофона /γ/ (основным, по данным литературы, является звонкий фрикативный фарингальный /h/).

6) Расширение произношения факультативного варианта губно-зубного /v/ (основным признается губно-губной /w/).

На существование вариантов и закрепление их в качестве нормативных влияют различные факторы. Среди них, в частности, соответствие системе (что, возможно, порождает их эстетическое восприятие носителями языка (красиво - некрасиво)). Больше шансов для выживания имеет также тот вариант, который находит подкрепление в орфографии. Последнее особенно заметно в произношении групп согласных. Так, правила требуют сочетание *-чці* произносить /č'ī/ (*квіточці, сестричці*), хотя в речи информантов в подавляющем большинстве ассимиляции не наблюдается; сочетание *чн* произносится как /шн/ только в случаях отражения диссимиляции на письме: *соняшник, рушниця*, и ни один из информантов не произнес /шн/ в словах, где письменной фиксации нет: *сонячний, пшеничний* и др.

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ: ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ В ПОИСКАХ НОВОГО УЗУСА

Н.Б.Мечковская

Белорусский государственный университет, Минск

1. Второе белорусское возрождение (с 1989 г.) протекает в условиях массового белорусско-русского двуязычия. Большинство населения понимает речь на обоих языках, значительные группы говорящих владеют вторым языком активно; в городах преобладает русский язык, в деревнях - лексически русифицированные белорусские говоры. Межэтнического противостояния в Белоруссии нет: вопрос о языках решается внутри белорусского народа, составляющего почти

80% населения республики, при этом по данным социологического опроса (июль 1993 г.), 60,2% респондентов высказалось за государственное двуязычие, 6,6% - за государственное многоязычие.

2. Демографическую базу литературного белорусского языка составляет городская интеллигенция. Владение литературным языком у большинства билингов до 45 лет вырабатывается не в семье, но путем специального обучения: до 1990 г. - на отделениях белорусистики в вузах, сейчас помимо этого - на языковых курсах для студентов, преподавателей, служащих; в близкой перспективе - в средних школах с белорусским языком обучения (пока ученики таких школ учатся в младших классах). Владение белорусским языком становится престижным - как полезная дополнительная квалификация.

3. Национальный романтизм в тоске по прошлому следует орфографии 1918-1933 гг., подражает произношению белорусского зарубежья и, отвергая заимствования из русского, если нет белорусского диалектизма, предпочитает польские заимствования.

4. *Трасянка* как множество стихийно русифицированных идеолектов. Если белорусское влияние на русскую речь можно описать в виде упорядоченного по встречаемости списка особенностей, составляющих "белорусский акцент", то сопоставимая картина воздействия русского языка на белорусский невозможна. Это воздействие приводит не к "акценту", а к говорению как бы на другом языке - его называют *трасянка*. В отличие от диалекта, в *трасянке* нет речевого узуса: ее составляют множество стихийно и поразному русифицированных индивидуальных вариантов белорусской речи. Русизмы являются наиболее частыми погрешностями также и в нормативной белорусской речи (например, в газетном тексте, в речи учителя, в вузовской лекции).

5. Феномен двуязычного общения: единая коммуникативная система или *трасянка* для образованных? Двуязычное общение, когда два языка используются в одном

коммуникативном акте, стало официальным и публичным. Его можно постоянно наблюдать на заседаниях Верховного Совета, в теле- и радиоинтервью, в вузах и школах. Стали популярны газеты на двух языках, при этом прослеживаются содержательные зависимости между выбором языка и характером публикации. Иначе говоря, два языка трактуются как две функциональные разновидности некоего одного языка, известного читателю.

Нередко оба языка присутствуют в одном газетном (журнальном) материале - в виде вкраплений, цитат, вставок на другом языке. Их наиболее типичные функции: 1) ироническое цитирование; 2) реже экспрессивно нейтральное цитирование в целях адекватной передачи информации (обычно в текстах исторического и историко-публицистического характера); 3) экспрессивно окрашенное, но не полемическое обращение к популярным или ярким образам русской (белорусской) фразеологии и литературы; 4) метаязыковое использование средств одного языка - для пояснения белорусского (русского) соответствия. Встает вопрос, не образует ли этот двоянный канал новую, более гибкую и функционально дифференцированную коммуникативную систему? Во всяком случае, ее возможности привлекают тех, кто пишет и говорит на двух языках сразу.

6. Кодификация белорусского языка и речевой узус в средствах массовой коммуникации (а также в устной белорусской публичной речи) находятся в резком противоречии. Наиболее полные кодифицирующие описания литературной нормы ("Тлумачальны слоўнік беларускай мовы" 1977-1984 гг. в 6 кн.; "Русско-белорусский словарь" 1982 г. в 2-х тт.; академическая "Беларуская граматыка" 1985-1986 гг. в 2-х тт.; "Слоўнік беларускай мовы: Арфаграфія. Арфаэпія. Акцэнтацыя. Словазмяненне" 1987 г.; "Беларуска-рускі слоўнік" 1988-1989 гг. в 2-х тт.) оказались в стороне от речевой практики и особенно от лингвистической идеологии энтузиастов белорусизации и, как следствие, утратили авторитет нормативных руководств по языку (что в условиях приобщения к белорусскому языку новых групп говорящих

через уроки и книгу не может не замедлять распространение литературной белорусской речи).

СОДЕРЖАНИЕ

Е. И. Демина. Проблема динамики литературно-языковой нормы.....	3
В. М. Живов. Традиция и инновации в узусе письменного языка.....	10
В. К. Журавлев. Церковнославянский язык - динамический регулятив норм русского литературного языка.....	13
Р. Цойнска. Кодификация и динамика на нормата в българския книжовен език през XIX век.....	15
А. Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки: проблема нормы.....	17
А. С. Новикова. Кирилло-мефодиевские традиции и новые тенденции в эволюции славянского перевода евангелия.....	20
Р. М. Цейтлин. К вопросу о характере исторических изменений в языке (по рукописям классического старославянского языка X-XI вв.).....	23
В. С. Ефимова. О некоторых тенденциях развития литературного языка в произведениях Иоанна Экзарха Болгарского.....	24
Е. М. Верещагин. Инновации во вновь найденном важном славяно-русском письменном источнике.....	26
В. М. Свежинский. Факторы демократизации норм старобелорусского языка во второй половине XVII века.....	30
Е. А. Сорокина. О норме употребления членных форм именн в книжном болгарском языке XVIII века на народной основе.....	32
Г. П. Клепикова. К вопросу о динамике "лексической нормы" в текстах новоболгарских дамаскинов XVIII-XIX веков.....	33
И. В. Платонова. О норме книжного языка на народной основе в сборниках Иосифа Брадатого XVIII века. Формообразование и синтаксис имен существительных в дамаскинах N1058 и N689.....	37
Г. К. Венедиктов. Искусственные правила современного болгарского литературного языка на стадии его становления.....	39
Л. Н. Смирнов. Традиционное и новое в опытах кодификации норм литературного словацкого языка периода его становления.....	41

В. В. Усачева. Развитие словацкого литературного языка в историко-культурном аспекте.....	44
Р. Х. Тугушева. Книжная лексика в чешском и словацком языках.....	47
М. И. Ермакова. Характер нормы серболужицких литературных языков в связи со спецификой серболужицкой языковой ситуации.....	49
Г. Г. Тяпко. О методике исследования развития словарного состава сербского литературного языка первой половины XIX века.....	51
А. Г. Широкова. Некоторые тенденции развития чешского литературного языка в синхронии и диахронии.....	55
Г. П. Нещименко. Становление и функционирование устного литературного языка как динамизирующего фактора в развитии чешской языковой ситуации XIX-XX веков.....	57
Ю. Е. Стемковская. К вопросу о словообразовательной активности субстантивов со значением "лица" в чешском литературном языке начала XIX века - середины XX века.....	59
В. П. Гудков. Сербское фонетическое правописание под прессом морфоунифицирующих тенденций.....	60
В. М. Мокиенко. Динамика фразеологических библеизмов в современном тексте (на материале русского и других славянских языков).....	62
Т. М. Николаева, И. А. Седакова. Клише и штампы в современной русской речи: социолингвистический анализ.....	64
Л. И. Скворцов. Стилистическое снижение и вульгаризация современного русского литературного языка.....	69
Т. Н. Молошная. Новые аналитические именные образования в современном русском языке.....	71
Л. М. Хоменко. О состоянии произносительной нормы современного украинского литературного языка.....	73
Н. Б. Мечковская. Белорусский язык сегодня: литературное общение в поисках нового узуса.....	75

**Традиция и новые тенденции
в развитии славянских
литературных языков:
проблема динамики нормы**

*Тезисы докладов
международной научной конференции
Москва, 24-26 мая 1994 г.*

Утверждено к печати Институтом
славяноведения и балканистики РАН

Заказ 28

Подписано к печати 5.04.94 г. Тираж 150 экз.

Объем 4 усл.печ.л. Цена договорная

Отпечатано на ротационной машине
Госкомстата РФ

